

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Владимир Ахмедов

**РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
АРАБСКИХ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ
СИРИЙСКОГО ВОССТАНИЯ
(90-е гг. XX – начало XXI вв.)**

Москва 2015

Научное издание

Ахмедов В. М.

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АРАБСКИХ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ СИРИЙСКОГО ВОССТАНИЯ (90-е гг. XX – начало XXI вв.) – М., 2015. – 124 с.

Работа старшего научного сотрудника Института Востоковедения РАН Ахмедова В. М. посвящена комплексному исследованию основных социально-политических процессов в арабских странах Ближнего Востока в последнюю декаду XX столетия и начале XXI века. Автор подробно изучает исторические причины и социально-политические предпосылки охвативших Ближневосточный регион арабских волнений. В исторической ретроспективе дается анализ особенностей социально-политического и идеологического развития стран Арабского Востока в условиях так называемой «арабской весны». Анализируются основные направления и тенденции их эволюции в переломный для большинства государств региона период, когда многие арабские страны пытались осуществить переход от авторитарной модели управления государством к более либеральной. Подробно исследуется место различных отрядов исламистов в условиях арабских восстаний, их роль в обществе, политике и вооруженной борьбе в арабских странах, главным образом на примере Сирии. Дана оценка основных исламистских и джихадистских движений Сирии, рассмотрен характер их взаимоотношений с политическим режимом, армией, другими отрядами сирийского вооруженного сопротивления. Предпринята попытка прогноза возможных путей их эволюции в политическом пространстве Сирии и Ближнего Востока в целом. Особое внимание уделяется изучению природы и характера политических режимов арабских стран Ближнего Востока, перспектив их стабильности перед лицом исламистских и джихадистских движений Сирии, их идеологических установок и политических взглядов. Анализируя возросшую в последние годы активность различного толка исламских организаций и их соперничество с национальными движениями светского характера за политическое лидерство в регионе, автор достаточно подробно останавливается на исследовании роли этнонационального и конфессионального факторов в политическом развитии стран региона.

Предназначена для студентов и аспирантов, обучающихся по специальности «регионоведение» с углубленным изучением арабского языка. А также для научных и особенно практических работников, исследующих проблематику стран Арабского Востока, широкого круга историков, политологов и экономистов, интересующихся современными проблемами Ближневосточного региона.

ISBN 978-5-89394-267-5

© В.М. Ахмедов, 2015

© Институт Ближнего Востока, 2015

Содержание

Об авторе.....	5
Введение.....	7
Часть I	
Особенности социально-политического и общественно-идеологического развития арабских стран Ближнего Востока в канун арабских восстаний	11
Глава 1. Основные характеристики социально-политических трансформаций Ближневосточного региона	11
Глава 2. Активизация роли политического ислама в регионе ...	30
Часть II	
Появление и развитие исламистских и джихадистских движений в условиях арабских восстаний: причины, характеристика, промежуточные итоги и перспективы (на сирийском материале)	45
Глава 1. Сирийское восстание. Краткий исторический очерк....	45
Глава 2. «Исламистский феномен» арабских восстаний	52
2.1. Религия и движения политического ислама. Общие положения	52
2.2. Исторические причины и социально-политические предпосылки зарождения в Сирии «исламистского феномена»	57
2.3. Роль исламского фактора и символики.....	60
2.4. Социальный, земляческий и племенной аспекты «исламистского феномена»; роль периферии.....	62
Глава 3. ИГИЛ в Сирии и Ираке	65
3.1. Кто, зачем и почему сражается против ИГИЛ?	70
3.2. Асад как партнер в борьбе с ИГИЛ.....	72

Глава 4. Салафиты в условиях вооруженной конфронтации в Сирии	78
4.1. Салафиты до начала революционных событий в САР	79
4.1.1. Краткая история салафитского движения и особенности его развития в Сирии	79
4.1.2. Сирийские салафиты за границей.....	81
4.2. Салафиты в условиях вооруженного восстания в Сирии..	83
4.2.1. Предпосылки возрождения джихадистского салафизма в Сирии.....	84
4.2.2. Краткая характеристика вооруженных салафитских группировок.....	85
4.2.3. Некоторые перспективы движения салафитов в Сирии в контексте их идеологических концепций, политических установок и практической деятельности	90
Глава 5. Суфийское движение и его роль в сирийском восстании	93
5.1. «Аль-Кефтариюн» и другие представители религиозного истеблишмента	95
5.2. Общество «Аз-Заид»	97
5.3. Общество «Аль-Кубейсат»	100
5.4. Суфийские вооруженные отряды	101
Глава 6. «Братья-мусульмане» и сирийский кризис	103
6.1. Роль «Братьев-мусульман» в вооруженной борьбе.....	108
Заключение	116

Об авторе

Владимир Ахмедов – историк-востоковед, арабист-ближневосточник. Специализируется на изучении современных социально-политических процессов в арабских странах Ближнего Востока с упором на роль в них военных и движений политического ислама. Окончил институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра изучения общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук. Продолжительное время учился и работал в странах Арабского Востока. Свободно владеет арабским и английским языками. Автор и ответственный редактор 10 монографий и многочисленных статей по актуальным проблемам развития различных арабских стран.

Однако сирийская проблематика проходит красной нитью в его научных изысканиях. В 1991 г. вышла его первая монография по Сирии «Современная Сирия. Промышленность, рабочий класс, профсоюзы» (М.: Наука, 1991). В 2003 г. он издал книгу «Сирия на рубеже столетий», где уделил основное внимание политической истории САР в период правления Хафеза Асада. В 2005 г. в ИВ РАН была издана еще одна монография «Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности».

В 2011 году опубликована еще одна монография "Современная Сирия: история, политика, экономика" (Ин-т востоковедения РАН. – М.: Ключ-С, 2011). В монографии "Социально политические процессы в арабских странах Ближнего Востока" (Ин-т востоковедения РАН. – М.: Гуманитарий, 2008) автор исследовал основные факторы стабильности режимов в арабских странах и пришел к выводу о возможности социальных революций в них.

Среди других работ, посвященных роли армии на Ближнем Востоке: Аналитические доклады.2006, вып. 5(10): Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. Центр ближневосточных исследований. М.: МГИМО-Ун-т, 2006; Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии [сб. ст.]. М.: ИИИИБВ, 2002; Офицерский корпус ближневосточных государств [сб. ст.] / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока / Отв. ред. В. М. Ахмедов, В. П. Юрченко. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.

About the author

Vladimir Ahmedov is a Russian scientist, orientalist, Middle East political analyst, senior research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences specializing in modern history of Arab countries. He worked as an associate professor in the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2004-2007). He has served in positions the Russian diplomatic missions in Arab countries and traveled extensively in the Middle East. He received his PhD from the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University. He is author of several books and many articles on Arab politics and international relations in the Middle East. His well known publications include: *Army and Power in the Middle East*(as editor and author of *Armed Forces and Politics in Modern Syria*) (2002), *Officer corps of the Middle Eastern States* (as co-editor and author of the *Officers in the socio-political life of the Middle Eastern states, Officers as a special socio-political force in Syria*)(2004) *Syria under Basher Assad. Regional experience of modernization under the conditions of external instability* (2005), *Social-political processes in the Arab countries of the Middle East* (2008). His book *Contemporary Syria: History, Politics, Economic.*, Moscow, 2011 is a research of academic origin into the shaping and development of political developments in Syria at the turn of XX -XXI cents under conditions of different economic structures and the transitional nature of power when the social fabric is being transformed as new political classes and elites appear on the social stage. The study investigates the mechanism of political power in Syria under Hafiz Assad, focusing its attention on developments within the military and civilian bureaucratic power elite and the party organization of the ruling party. Above all, it investigates which factors and developments have ensured the transition of power to Basher Assad and encouraged the rise of new political elite in Syria. Main attention is paid to Basher -Assad's years in power, focusing on the perspectives of his presidency and his handling of the challenges facing the Syria in new political situation of Arab uprising.

Введение

Последние события на Ближнем Востоке свидетельствуют о возрастании роли религии в политических процессах в регионе. В арабских странах религия и религиозные деятели традиционно во многом влияют на определение идентичности государства, характер власти, роль религиозного законодательства в противовес светскому судопроизводству, межобщинные отношения, проблему прав человека, роль женщины в обществе, на многие аспекты внутренней и внешней политики государства.

С другой стороны, традиционное общество на Востоке всегда отличалось этническим и религиозным разнообразием. В таких государствах социальные связи, как правило, базировались на религиозной, этнической, земляческой и племенной общности людей. В кризисных обстоятельствах это могло порождать конфликты на этнической и религиозной основе. Сегодня впервые за всю свою новейшую историю Ближний Восток оказался на грани раскола по этническим и конфессиональным признакам. Прежние конфликты, в основе которых лежала борьба за власть и территории, показали свой разрушительный потенциал. Но столкновения на этнической или религиозной основе могут оказаться куда губительней по своим последствиям. Ничем не ограниченные конфессионализм и национализм порождают этнический сепаратизм и религиозные конфликты и представляют серьезную угрозу сохранению государственной целостности ближневосточных стран.

Эти непростые явления совпали с периодом, когда многие арабские страны стремились осуществить переход от авторитарной к более либеральной модели управления. Процесс формирования новых контуров политических систем арабомусульманских стран Ближнего Востока проходит сегодня в острой борьбе крупных социально-политических сил региона, преследующих различные цели, и до сих пор не завершился.

Действительно, сегодня в условиях «вакуума авторитаризма» создается реальная опасность подрыва существующего

военно-политического баланса в регионе. В первую очередь это связано с обострением борьбы за смену власти, эскалацией напряженности в регионе в связи с неурегулированностью палестино-израильского конфликта, попытками исламистов проникнуть в армию, вмешательством внешних сил в региональные процессы.

При этом необходимо иметь в виду, что в исламском мире формирование светских государств началось только в конце XIX века. Ислам намного медленнее, чем другие религии, отказывался от идеи религиозной войны. Несмотря на внешне светский характер власти во многих арабских государствах Ближнего Востока, в них все еще силен элемент фундаментализма. Целью фундаменталистских групп является возврат к священному закону шариата, а каждая неудача государственных лидеров объясняется их нежеланием пойти на это.

Сегодняшний пример Сирии, а также Ирака показывает, что идея джихада все еще имеет большое влияние, и у этой идеи нет недостатка в добровольцах, готовых пожертвовать во имя ее жизнью. Хотя джихад главным образом направлен против оказавшихся под влиянием Запада собственных правящих элит и лишь во вторую очередь – против неверных, мотивационная сила этой идеи в мусульманском мире столь же сильна, как и раньше. Все это свидетельствует о том, что и сегодня идея войны как продолжения религии, особенно в экстремистских формах, вовсе не умерла.

В настоящее время, когда краткосрочная перспектива сирийского режима просматривается достаточно ясно, есть смысл задуматься о будущем политическом и общественном устройстве Сирии. И здесь, конечно, не обойтись без так называемых исламистов. События в Египте, Тунисе, Марокко, Ливии, Йемене, связанные с процессом выстраивания новых элементов политической системы, в ходе которых решительно заявили о себе представители исламистских политических движений, вновь возбудили у части местных и зарубежных экспертов и политиков опасения относительно возможного прихода их к власти в этих и других арабских странах.

В условиях начавшейся в конце 2010 года на Ближнем Востоке «арабской весны» властям Сирии, опиравшимся на мощный аппарат спецслужб, армию, представленных главным образом алавитским меньшинством (12% населения), вряд ли удалось бы эффективно контролировать действие исламского

фактора в многоконфессиональной и полиэтнической стране, не скатываясь в конечном итоге к открытому насилию.

Действительно, если рассматривать арабские революции в рамках религиозной парадигмы, то получается, что те страны, где они произошли и продолжаются (в том или ином виде), отличались большинством суннитского населения. То есть главной движущей силой этих народных восстаний были и остаются люди, исповедующие ислам суннитского толка.

При этом необходимо иметь в виду, что изначально ислам суннитского толка содержал много элементов, которые условно можно было назвать светскими, демократическими. Вернее, он был более восприимчив к их осмыслению в отличие от шиизма, насквозь проникнутого своеобразной вертикалью власти в лице института имамата. Возможно, это послужило одной из причин того, что первичная идеология иранской революции 1979 года в последующем претерпела ряд изменений. Ведь недаром в иранском теологическом сообществе до сих пор не утихают (скорее разгораются) споры об искусственности института Верховного лидера (рахбара) и необходимости его отмены.

В условиях революционного подъема открылся путь для дальнейшего развития, трансформации, самосовершенствования, обновления ислама и как идеологии, и как практики общественного устройства, особенно если исламисты собирались прочно утвердиться во вновь создаваемых структурах власти, в новой политической системе. При этом подобного рода трансформации в зависимости от складывавшейся внутренней политической конъюнктуры и внешнего воздействия могли принимать абсолютно разные формы.

И это особенно было заметно в начальный период революционных событий в Сирии и других странах Леванта, где ислам традиционно был смешан с более ранними религиями и культурами Средиземноморья. Новый постмодернистский ислам – это продукт местных «мегаполисов», культуры «новых» горожан, требовавших свержения власти, которая более полувека тому назад пришла из дальних горных сел и захватила города, создав там свою культуру и установив свои порядки.

Эти «новые» горожане хотели установить новый тип власти, отличный от прежнего режима. Они мечтали учредить новый общественный порядок, основанный на новых принципах. Сирийские революционеры активно использовали интернет и новые технологии. Они выставляли тела убитых, порт-

реты перебежчиков как иконы, хотя в исламе это категорически запрещено.

Возможно, это новое явление могло получить дальнейшее развитие, если бы сирийский режим во время отказался от силовых методов взаимодействия с протестующими и не призвал бы на помощь шиитский Иран и ливанскую «Хизбаллу».

В то же время, несмотря на то, что сегодня в Сирии возоблада «джихадистская» идея, воплощенная в действиях «Исламского государства» (ранее назвавшегося «Исламское государство Ирака и Леванта»), было бы неправильным считать, что рожденный революцией постмодернистский ислам полностью исчез и не имеет шансов на возрождение. Поэтому наряду с воинствующим исламом его надо тщательно изучать. Так как он может при определенных политических условиях оказать свое позитивное влияние не только на саму Сирию, но и остальные части Арабского Востока, а также и Европу, где как раз многие мусульмане в силу прямого и опосредованного участия в арабских событиях заметно радикализировались.

Если допустить, что постмодернистский ислам Леванта – это продукт новой городской культуры, то надо признать, что он должен был неизбежно впитать в себя характерный для ливанских городов дух либерализма и стремления к демократии. В условиях кризиса в Сирии постмодернистский ислам может стать существенным дополнением в формировании новой идеологии обустройства общества.

Часть I

Особенности социально-политического и общественно-идеологического развития арабских стран Ближнего Востока в канун арабских восстаний

Глава 1

Основные характеристики социально-политических трансформаций Ближневосточного региона

За несколько последних десятилетий Ближний и Средний Восток пережил ряд крупных трансформаций общественно-политического, технико-информационного и культурно-идеологического характера, которые подготовили основу тех событий в регионе, свидетелями которых мы сегодня являемся.

Одним из важных, можно сказать, рубежных событий, послуживших своеобразным катализатором вышеотмеченных перемен, стал распад СССР и социалистической системы в целом. Главным результатом этого факта и сопровождавших его явлений для ближневосточных государств явилось то обстоятельство, что Ближневосточный регион перестал быть ареной противоборства двух мировых суперсистем. Тщательно отстроенная в конце 1960-х – начале 1970-х годов XX столетия политическая архитектура Ближнего Востока, в соответствии с которой регион был вписан в систему мирохозяйственных связей и мировой политики эпохи «холодной» войны и последовавшей «разрядки», стала постепенно меняться. Ближний Восток все плотнее входил в орбиту абсолютного влияния США, которые фактически распределяли роли в регионе среди своих европейских и азиатских партнеров, что вписывалось в начавшийся процесс формирования однополярного мира.

Подобные изменения не могли не повлиять на характер внутренних процессов и внешней политики как на уровне отдельных ближневосточных государств, так и региона в целом.

Ближневосточным военно-политическим, экономическим элитам, религиозному истеблишменту и духовенству пришлось быстро приспосабливаться к новым политическим реалиям. Учитывая явную неготовность большинства ближневосточных правительств, прежде всего арабских стран, быстро реагировать на подобные изменения традиционной инертности масс, их политика восприятия новых реалий и попытки адаптации к ним местных политико-экономических и мировоззренческих систем во многом носили «реактивный» характер. В этой связи и с учетом растущего внешнего воздействия на политические процессы в регионе стран Запада, главным образом США, происходившие внутри большинства ближневосточных стран изменения носили в основном поверхностный характер. Как правило, они не служили их прогрессу и интересам широких слоев населения, в среде которых начали устойчиво расти антиглобалистские настроения, стал формироваться антизападный протест, усиливалось недоверие к собственным властям. Последнее обстоятельство было во многом связано с изменением характера внешней политики большинства ближневосточных режимов, которая не только не отвечала задачам решения внутренних потребностей, но зачастую проводилась за их счет, что вело к обнищанию значительных масс населения и долговременному застою в государстве и обществе.

Попытки теоретически обосновать предпринимаемые местными властями действия на основе прежней идеологии не давали желаемого результата. Более того, как правило, они вели к падению популярности институтов, воплощавших эту идеологию среди населения, и заполнению возникающего идеологического вакуума, религиозной идеей, главным образом исламом. Сама же исламская теология, пребывая с XI века в состоянии тщательно сохраняемой духовенством неизменности,¹ испытывала немалые сложности в объяснении происходящего, что нередко давало почву для возникновения различного рода радикальных и экстремистских настроений и образования религиозных организаций, чья практика сильно отличалась от постулатов подлинной веры. Подобные явления во многом подкреплялись политикой США в регионе.

¹ Предпринимаемые исламскими реформаторами XIX века попытки изменить сложившуюся ситуацию не привели к субстантивным изменениям сложившегося статус-кво.

Американское вторжение в 1991 году в Ирак² и захват этой одной из крупнейших арабских стран и влиятельного члена привилегированного клуба государств-нефтеэкспортеров силами западной коалиции во главе с США в 2003 г. стали знакомыми событиями в цепи ближневосточных трансформаций. Этому предшествовало вторжение американских войск в Афганистан, происходившее на волне всеобщего возмущения терактами 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Указанные военные операции США и их западных союзников осуществлялись под флагом борьбы с терроризмом и нелегальным распространением неконвенционного оружия. Постепенно эти лозунги, весомых практических подтверждений которым найти ни в Ираке, ни в Афганистане не удалось, трансформировались в борьбу с исламом и иранской мирной³ ядерной программой, к которой США стремились подтянуть как можно больше стран, в том числе и Россию, искусно играя на их внутренних проблемах. Однако уже достаточно скоро утратившие актуальность прежние лозунги были заменены на новые под общим названием построения Большого Ближнего Востока на демократических принципах, основанных на западной системе ценностей.

Главными результатами для всего Ближневосточного региона и арабских стран, оказавшихся в подобной ситуации, стала целая цепь трансформаций, большинство из которых происходило со знаком «минус».

Во-первых, был остановлен или существенно заторможен начавшийся после развала СССР процесс постепенного превращения Ближнего Востока из объекта в субъект международной политики. Начавшие рушиться скрепы, которые надежно удерживали регион в прежнем состоянии «цивилизованного колониального господства», были сильно подкреплены силовой политикой США и их союзников, которые вместо прежнего партнера (СССР) по борьбе за влияние на Ближнем Востоке быстро нашли нового «многоликого» противника в виде «исламского» терроризма и «атомного» Ирана. При этом характерно, что после югославских событий наибольшее количество

² Операция «Буря в пустыне» по освобождению захваченного саддамовским Ираком Кувейта.

³ В тот период действительно мало кто сомневался в мирном характере ядерной программы Ирана.

военных конфликтов разной степени интенсивности и масштаба происходило главным образом на Ближнем Востоке.

Во-вторых, естественный формационный ход развития ближневосточных государств был прерван или претерпел существенные изменения в условиях во многом искусственно созданной ситуации в регионе и вокруг него. В результате большинство стран региона по основным социально-экономическим, общественно-политическим, демографическим и культурно-образовательным показателям сохраняло «догоняющий» характер. В среднем 30-40% населения этих государств жили на 2 доллара в день, а 5-7% владели 50% национального дохода, 50% жителей были неграмотны, 20 млн. человек – безработные. Кроме того, 50% из 95 млн. экономически активного населения арабских стран были заняты в сфере услуг и неорганизованном (теневом) секторе экономики, 31% – в сельском хозяйстве и только 19% в промышленности.

Некоторое увеличение темпов экономического роста к 2005 г. (в среднем 5,6%) по сравнению с 1990-ми гг. явилось не столько результатом экономических реформ, сколько было вызвано ростом потребления и увеличением государственных расходов в результате выросших цен на нефть. В то же время сохраняющиеся высокие темпы прироста населения позволяли предположить, что в ближайшие несколько десятилетий регион будет нуждаться в создании 100 млн. новых рабочих мест.⁴

Пожалуй, единственно новым явлением в регионе стало широкое распространение и постепенная массовая доступность новых информационных технологий и телекоммуникационных систем связи. Последнее обстоятельство, несмотря на объективно прогрессивный характер, оказало в целом неоднозначное воздействие на массовое сознание населения региона и сыграло свою роковую роль в период так называемой «арабской весны».

В-третьих, США надежно укрепились в качестве доминирующей военной и политической силы на Ближнем Востоке, получив возможность не только влиять, но и контролировать содержание и ход важнейших внутренних и внешних процессов в отдельных странах и в регионе в целом. Достаточно сказать,

⁴ Bloomberg, 28.06.2005; The New York Times, 07.09.2005; «аль-Ахрам» (Египет), 08.03.2005; MENA Report, 21.04.2005.

что безопасность Аравийского полуострова и расположенных в нем государств целиком и полностью обеспечивалась США и их военным присутствием в Персидском заливе и на базах в ряде аравийских монархий.

В-четвертых, в регионе образовались три настоящие региональные супердержавы в лице Израиля, Турции и Ирана, которые вели под неусыпным оком США борьбу за влияние на Ближнем Востоке, объектом которой стали арабские государства. Однако поскольку их внешнеполитические и региональные устремления были прямо пропорциональны глубоким различиям отстраиваемых в них общественно-политических систем и внутривнутриполитическим интересам, их региональное соперничество заканчивалось в основном с «нулевой суммой», а для арабских стран имело самые негативные последствия.

Возвышению Израиля во многом способствовала политика американских администраций Бушей (старшего и младшего), чью массивированную военную помощь и политическую поддержку Израиль главным образом использовал для решения арабо-израильского и палестино-израильского конфликтов в выгодном для себя ключе. В результате начавшийся в 1990-х годах в Мадриде мирный процесс в регионе в 2000-х годах практически прекратился или превратился в «игру» под названием «ближневосточное урегулирование», которая не вела к субстантивным результатам (возврату оккупированных территорий), но приносила немалые политические и финансовые дивиденды участникам переговорного процесса. Таким образом, в канун начала арабских революций, особенно после прихода к власти в Израиле правительства Б. Нетаньяху с опорой на правые силы ближневосточный мирный процесс оказался в полном тупике, а решение палестинской проблемы перестало иметь реальную перспективу.

Приход к власти в Турции в 2002 году исламской Партии справедливости и развития (ПСР) был своеобразным ответом на изменение геополитической обстановки и ситуации в регионе, где стал отмечаться быстрый рост популярности движений политического ислама как внесистемной силы с сильным антизападным зарядом. Новые власти в Анкаре хорошо осознавали, что будучи страной-членом НАТО, стремящейся войти в европейскую семью, Турция должна предложить новую модель политического устройства, чтобы

не допустить неконтролируемого роста исламских движений, неизбежно приведших бы к столкновению с армией и, как следствие, к новым военным переворотам, что могло оказаться губительным для страны и ее целостности в условиях нерешенности курдского вопроса. Для этого требовалось канализировать политический ислам в структуры власти, одновременно ограничив в них влияние военных. Подобная политика должна была подкрепляться широкими программами социально-экономического развития и либерализацией политической системы, чтобы заручиться поддержкой большинства населения. Продолжающийся 13 лет турецкий эксперимент (описанный здесь весьма схематично) оказывается пока в целом успешным. Одновременно Турция заметно активизировала свою политику на Арабском Востоке, чтобы, с одной стороны, закрепить и развить имевшиеся у нее там крупные энергетические, нефтегазовые, торгово-индустриальные проекты, а с другой, продемонстрировать Европе, что Анкара может служить безопасным «окном» в ближневосточный регион и успешным посредником в разрешении застарелых региональных конфликтов. Активная политика Анкары на Ближнем Востоке многими в арабских странах воспринималась неоднозначно. «Светские» военно-политические режимы в целом настороженно относились к экспериментам турецкой ПСР внутри страны и опасались роста идей нового османизма, памятуя 400-летнее господство Османской Порты.

За активностью Турции в регионе настороженно следил и Иран. После распада СССР, ослабления позиций России в Центральной Азии, где у власти (кроме Казахстана) находились «слабые» правительства, уничтожения сильного Ирака и воцарения хаоса в Афганистане для Ирана сложились весьма благоприятные обстоятельства, которыми Тегеран не преминул воспользоваться для усиления своих позиций в регионе. За короткий период времени Иран создал свою ось безопасности, которая тянулась с юга Ирака через Сирию в южные районы Ливана, находившиеся под контролем близкой Тегерану в идеологическом отношении «Хизбаллы», и далее в сектор Газа (Палестина) на средиземноморском побережье, где власть сосредотачивалась в руках союзного Ирану палестинского ХАМАСа. Данное обстоятельство вызвало резкое неприятие в арабских монархиях Персидского залива и Египте,

что привело к невиданному прежде всплеску арабо-иранского противостояния, которое в ряде случаев перекрывало арабо-израильскую вражду. С учетом того, что неприятие политики шиитского Ирана было вызвано главным образом в странах с преимущественно суннитским населением, это подливало масла в огонь разгоравшихся в регионе суннитско-шиитских противоречий, начало которым было положено после захвата американцами Ирака и резкого обострения внутривосточной борьбы в Ливане накануне войны 2006 года с Израилем и после нее.

С другой стороны, тот факт, что арабо-израильские войны в Ливане (2006) и секторе Газа (2008–2009) вели не арабские армии, которые уже фактически с 1973 года по-настоящему не воевали с Израилем, а боевые отряды исламского сопротивления в лице ливанской «Хизбаллы» и палестинского ХАМАСа, которые фактически самостоятельно решали вопросы войны и мира, обозначил еще одну весьма неприятную тенденцию в регионе и послал тревожный сигнал в региональное сообщество. Все это открывало путь к началу эпохи нового вида войн, которые в условиях резкого обострения конфессиональных противоречий в регионе могли принять характер религиозных войн эпохи Средневековья, но с использованием современных вооружений и новых информационных технологий.

Таким образом, к моменту начала арабских революций регион, который всегда отличался повышенной конфликтно-генностью, подошел в состоянии близком к взрыву, который мог выразиться в совершенно различных формах, в том числе и в форме массовых народных движений, восстаний и революций, которые подспудно зрели в глубинной среде Ближневосточного региона.

Выше уже был указан ряд основных исторических причин и социально-политических предпосылок арабских революционных движений, охвативших Ближний Восток с конца 2010 года и продолжающихся по настоящее время. Однако большинство из них сохраняется как в странах победивших революций (Тунис, Египет, Ливия), так и в государствах, где революция продолжается (Йемен, Сирия). Так, одной из причин многих процессов, которые не могут получить своего завершения в Сирии, является достаточно свежий исторический контекст, в рамках которого происходило формирование основных по-

литических институтов государства и развитие общественного сознания.⁵

Усиливавшаяся со второй половины 1990-х годов вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации и модернизации происходила на фоне ускорения в них процессов смены власти и активизировавшихся попыток изменить характер действующих политических систем. В то же время многие шаги арабских руководителей в этом направлении отличались крайней противоречивостью, случайностью и по многим параметрам оказывались несостоятельны.

В начале 2000 г. под воздействием демонстрационного эффекта демократизации в других регионах некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались политические движения ислама. В тоже время эти организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества, в силу чего их влияние на процесс принятия решений носил по большей части ограниченный и опосредованный характер.⁶

⁵ Подробнее о Сирии и революционных событиях в стране см. работу В.М. Ахмедова «Современная Сирия. История. Политика. Экономика.» (М., 2010) и тематические материалы на сайтах «Новая Сирия», «Восточный экспресс», iimes.ru, arabesky.livejournal.com

⁶ Характерно, что после победы революции в Египте в организации «Братья-мусульмане» развернулась острая дискуссия по вопросам, связанным с участием «братьев» в политике в качестве легальной партии, о ее целях, задачах, методах работы и т.п. В конечном счете, было принято решение, что «братья» создают свою политическую партию, которая имеет исламскую основу, но снимает ряд ограничений, установленных религией, на участие в партии женщин, представителей других конфессий, светских политиков. Менялись также и программные установки партии. Иными словами, «братья» шли в парламент как политическая партия, чтобы заниматься исключительно политикой. При этом религиозная структура «братьев» – Ассоциация – продолжала свою просветительскую и общественную работу в стране, не будучи связанной с новой политической партией. «Братья» также заявили об отказе выдвигать на ближайших президентских выборах своего кандидата и исключили из рядов организации несогласных с этим решением.

С другой стороны, как показали итоги выборов, прошедших в середине 2000-х годов в ряде арабских стран, еще меньшим влиянием на процессы выработки решений располагали светские оппозиционные политические партии, будь то запрещенные или легализованные. Последние, будучи встроены властями в структуру квазиполитических объединений типа «народных фронтов» под руководством партии власти, служили внешним «демократическим» обрамлением однопартийных по сути режимов. В результате они испытывали острый кризис политической самоидентификации, а в их руководящих структурах шла ожесточенная борьба за лидерство. Правящие партии уже давно превратились в партию одного человека и были не способны самостоятельно воспринимать идеи партийного плюрализма и политической конкуренции без сильной политической «инъекции» извне.

В Сирии по мере укрепления режима личной власти Хафеза Асада правящая Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) на деле оказывалась лишенной реальных директивных прерогатив. В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции в 1990-е годы политической системы Сирии, которая внутренне консолидировалась не столько партийно-политическими, сколько этноконфессиональными узами, факторами личной лояльности Х. Асаду. Достаточно сказать, что с января 1985 г. и вплоть до лета 2000 г. не удалось провести ни одной Региональной конференции (съезда) ПАСВ, что казалось особенно противоестественным в условиях переживаемых страной экономических трудностей, роста социальной напряженности и углубления идейно-политических разногласий в правящих кругах. На самом деле желание режима сохранить свою устойчивость и реализовать намеченную схему передачи власти зачастую являлось более важным моментом, определяющим ход событий, по сравнению с партийной доктриной. Поэтому власть в этот период в значительно большей степени опиралась на вооруженные силы и органы государственной безопасности.⁷

Большинству ближневосточных правителей все труднее становилось «покупать» лояльность своего населения. Успехи исламистских движений и партий по сравнению с их либераль-

⁷ Подробнее см.: Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003, с. 56–57.

ными светскими соперниками на выборах в Ираке, Египте, Палестине, Ливане породили в кругах арабской правящей элиты законные опасения за свою собственную судьбу и будущее их государств.

В ряде случаев это привело к тому, что в отдельных странах региона процессы перемен явно застопорились. Так, находившийся у власти с 1978 г. президент Йемена Али Абдалла Салех изменил ранее принятое решение не выдвигать свою кандидатуру на очередных президентских выборах. В сентябре 2006 г. он вновь был переизбран на 7-летний срок. Сирийский президент Башар Асад и его команда реформаторов стали меньше говорить о планах экономической модернизации и политической либерализации в САР. Отход Б. Асада от данного им в 2001 г. обещания провести следующие выборы президента на альтернативной основе и фактическое переутверждение в июне 2007 г. сирийского президента на новый 7-летний срок ясно обозначили настроение сирийской правящей элиты и средних слоев общества, которые предпочли стабильность любым переменам.

Со времени парламентских и президентских выборов в Египте в 2005 г. власти страны мало продвинулись по пути демократии. Озвученные президентом АРЕ Хосни Мубараком в ноябре 2006 г. планы изменить 76-ю статью действовавшей конституции, определявшей порядок смены власти в стране, так и не обрели практических контуров. В условиях неопределенности вопроса о преемственности власти и механизме ее передачи жесткие действия египетских властей в отношении оппозиции порождали опасения за сохранение стабильности в этой крупнейшей арабской стране. В феврале 2005 г. в Саудовской Аравии, впервые в истории, были проведены частичные муниципальные выборы, однако избранные в ходе их городские советы так и не смогли полноценно заработать к назначенному времени. К тому же с конца 2007 года в саудовском руководстве усилился конфликт между представителями различных поколений саудовской королевской семьи по вопросу о путях дальнейшего развития страны. Данный факт косвенно свидетельствовал о том, что устоявшийся порядок власти в королевстве мог быть поколеблен, особенно в случае возникновения кризисной ситуации в регионе.

В то же время в большинстве стран Ближнего Востока наблюдался рост социального напряжения. Решение острых со-

циальных вопросов было невозможно без структурных реформ экономики и определенной либерализации действующей политической системы. С другой стороны, арабские правители полагали, что внедрение рыночных стратегий развития и либерализация политической системы может потерпеть крах из-за порождаемого ими экономического и социального неравенства и привести к эскалации политической борьбы, подрыву экономики и государственным переворотам, особенно в обществах, не имевших устойчивых демократических традиций. В этой связи арабские режимы считали необходимым усиливать руководство со стороны государства как ходом реформ, так и процессом демократизации, при этом во многом опираясь на армию и спецслужбы.

В большинстве случаев это было продиктовано самим характером власти и тем обстоятельством, что арабские лидеры, как правило, были значительно старше руководителей других стран мира. Многие из них находились на своих постах десятилетиями. Это же касалось и многих руководителей ключевых министерств и ведомств арабских стран. Несмотря на то, что начиная с середины 1990-х годов в регионе ускорились процессы смены правящих элит и прихода к власти молодого поколения арабских лидеров, механизм смены власти на Арабском Востоке оставался во многом традиционным и плохо соответствовал задачам нового времени. Данное обстоятельство было чревато не только возможностью подрыва сложившегося баланса сил в арабских странах, но и создавало реальную угрозу сохранению стабильности правящих в них режимов.

Арабские лидеры оказались в весьма непростом положении. С одной стороны, они понимали объективную необходимость осуществления внутренних преобразований. С другой, инициированная США и другими странами Запада со второй половины 2000-х годов программа реформ «расширенного Ближнего Востока и Северной Африки» вызывала у них немалые опасения и скептицизм. Несмотря на то, что к власти в арабских странах постепенно приходило новое поколение лидеров (Марокко, Иордания, Катар, Бахрейн, Сирия, ОАЭ), контроль над крупными финансовыми потоками и принятием основных политических решений по-прежнему в значительной мере осуществлялся старыми правящими элитами. В такой ситуации форсированные шаги, к тому же продиктованные извне, по отстранению старых правящих элит от власти только усили-

вали их сопротивление реформам, дестабилизировали обстановку и создавали в стране политический вакуум, в условиях которого возрастала вероятность прихода к власти исламистов.

Уход из жизни в последние десятилетия многих знаковых фигур на Ближнем Востоке обострил одну из основных проблем современной арабо-исламской государственности, когда переход власти и смена элит превращались в перелом общества.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов немало крупных стран региона стояло на пороге передачи власти от одного правителя другому, от старого порядка к новым возможностям. Однако в сложившихся политических условиях Ближнего Востока эти изменения могли иметь весьма негативные последствия. Тем более что в арабском мире не было харизматичного лидера регионального масштаба. Лидера, который имел бы возможность предложить эндогенный общеарабский проект развития светского модернизационного содержания с учетом интересов арабо-исламского большинства, прав и желаний национально-религиозных меньшинств и сплотить вокруг него представителей региональных элит и широких слоев населения арабских стран.

Арабские руководители из числа политических долгожителей находились в достаточно преклонном возрасте и уже пережили пик своей политической карьеры. В сложившейся на Ближнем Востоке непростой обстановке им больше приходилось думать о том, как и кому передать власть в собственной стране. С одной стороны, они были обеспокоены тем, как обеспечить преемственность проводимого ими курса, чтобы гарантировать сохранность собственных интересов и стоявшей за ними властной группировки после ухода с руководящего поста. С другой, они были вынуждены заботиться о том, чтобы процесс передачи власти осуществлялся не конфронтационным, а по возможности мирным путем, и легитимность его результатов не подвергалась бы сомнению большинством населения и не вызывала бы желания пересмотра. Именно через эту призму они были склонны рассматривать общеарабские интересы.

Пришедшие к власти во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов молодые арабские лидеры сталкивались с не меньшими трудностями. Практически все они оказались у власти не в итоге борьбы за нее, а получили ее «по наследству» от своих отцов. Произошло это в результате компромисса интересов различных элитных групп, достигнутого во многом

не столько за счет добровольного согласия этих групп и демократического выбора народа, сколько путем целой серии хитроумных политических комбинаций и силовых ходов местных спецслужб по нейтрализации возможных соперников и конкурентов. Поэтому они даже после своего прихода к власти в течение достаточно длительного времени были лишены реальных властных полномочий. Им приходилось прежде всего думать о создании собственной властной команды, одновременно балансируя между различными «центрами силы» и периодически доказывая легитимность своей власти и способность к руководству государством как внутри собственной страны, так и за ее пределами.⁸

В результате в канун революционных событий многие арабские государства представляли собой страны, раздробленные на различные кланы и властные команды: партийно-бюрократические, силовые, олигархические, региональные, этнические, конфессиональные, племенные. Их население было склонно олицетворять свою безопасность и благополучие не столько с институтами государства, сколько с родством или принадлежностью к одному из таких кланов или команд. Основные административные рычаги и финансово-экономическая мощь были сосредоточены в руках традиционных правящих элит с омолодившейся властной верхушкой в ряде арабских стран. Поэтому акцент как традиционных, так и молодых лидеров арабских стран был сделан на «ручном» управлении и преждевременности выступлений с какими-либо программами политических реформ, представлявшими угрозу стабильности их власти.

К тому же в большинстве случаев передача власти в арабских странах на рубеже XX-XXI вв. происходила мирным путем, по крайней мере, на ранней стадии. В Иордании Абдалла II в 1999 году наследовал власть от своего отца и принял руководство монархией. После восшествия на престол он стремился проводить политику, сходную по основным внутренним и внешним параметрам с прежним курсом короля Хусейна. Однако уже очень скоро под воздействием внутренних и внешних

⁸ Любопытно, что по свидетельствам как сторонников нынешнего сирийского президента, так и его ярых противников, если бы сегодня во главе Сирии находился Хафез Асад, то подобного развития событий в стране явно удалось бы избежать.

обстоятельств ему все чаще приходилось менять правительства и постепенно идти на уступки исламистам в вопросах управления государством. После начала «арабской весны», особенно в соседней Сирии, Абдалла II принял ряд декретов, которые, по оценке арабских и зарубежных экспертов, открывали путь к изменению сложившегося строя и превращению Иордании в парламентскую монархию.

В Сирии до недавнего времени позиции Б. Асада казались достаточно прочными. За последние годы он существенно омолодил сирийскую военно-политическую элиту, постарался привить ей новую политическую культуру и тем самым существенно расширил базу собственной поддержки внутри основных механизмов власти – партии, госаппарате, силовых структурах. Начав в июле 2004 г. реформу в армии и спецслужбах, Б. Асад отправил в отставку менее чем за год 440 высокопоставленных офицеров армии и спецслужб.⁹ Сохраняя в целом неизменными рамки прежней системы, Б. Асад тем самым получил возможность приступить к поэтапной программе реформ без видимой угрозы нарушения баланса сил в правящей элите и социальных потрясений в обществе. Однако с изменением ситуации на Ближнем Востоке и в мире в целом новое политическое руководство САР во главе с Б. Асадом фактически остановило ход намеченных в 2005 г. XX съездом ПАСВ реформ. В результате режим погряз во внутренних противоречиях, которые нередко выливались в открытую борьбу за власть внутри правящей верхушки. Отсутствие реформ и снижение жизненного уровня значительной массы населения окончательно похоронили в широких слоях сирийского общества прежние надежды на молодого президента и ожидания перемен сверху.

Критическая ситуация накануне революционных событий сложилась также в Тунисе, Египте, Ливии и Саудовской Аравии, где остро встал вопрос смены главы государства. Во всех странах престарелые лидеры занимали руководящие посты, а их сыновья и родственники выступали в качестве возможных преемников. Их способности консолидировать власть представлялись весьма неопределенными. В случае начала массо-

⁹ Военные в Тунисе и Египте достаточно быстро решили для себя вопрос, на чью сторону им встать. А вот сирийская армия явно затянула с выбором, что и привело в настоящее время к постоянно усиливающейся угрозе раскола страны по конфессиональному признаку.

вых волнений и борьбы за власть в нее могли оказаться вовлеченными армия и спецслужбы, что и произошло.

В Египте процесс эволюции политической системы был чрезвычайно затруднен и происходил медленными темпами в закрытом порядке. Проблема трансформации сложившегося механизма власти осложнялась тем обстоятельством, что за годы относительной стабильности режима в качестве единственно эффективной альтернативной политической силы Египта остались только исламисты, прежде всего в лице организации «Братья-мусульмане». Итоги парламентских выборов 2005 года, в ходе которых «братья» получили около 20–25% мест в парламенте, шокировали власти. Поэтому во время избирательной кампании 2010 года режим отдал спецслужбам приказ сделать все возможное, чтобы не допустить «братьев» в парламент. Результаты и ход ноябрьских 2010 г. парламентских выборов в Египте показали, что страна стоит на пороге больших перемен. В этих условиях в Египте остро встал вопрос о выработке современного механизма смены власти и ее преемственности. Усилились разговоры о том, что Х. Мубарак твердо решил выдвинуть своего сына Гамала – успешного бизнесмена в качестве возможного наследника.¹⁰

Наряду с сыном Мубарака в качестве возможных претендентов на президентский пост рассматривали также некоторых высших военачальников и руководителей спецслужб. После антимонархической революции 1952 года египетские вооруженные силы превратились в стеновой хребет режима. Поэтому выбор вероятного преемника из военной среды выглядел оправданным с точки зрения политической логики и существующей практики. Со второй половины 2000-х годов президент произвел ряд кадровых перестановок в высшем командном составе армии. В египетских военно-политических кругах были склонны увязывать периодические кадровые замены в высшем командном составе вооруженных сил с планами Мубарака по отработке механизма передачи власти.¹¹ Как и в других арабских странах, в Египте безопасность базировалась на способности военных контролировать процесс передачи власти и удерживать внутриэлитные конфликты от превращения их в открытую борьбу за власть. В условиях начавшейся 25 янва-

¹⁰ Восток, 2006, № 3, с. 75.

¹¹ MENL, 28.10.2005.

ря 2011 года египетской революции армия доказала, что реальным гарантом поддержания внутривосточной стабильности и безопасности в АРЕ являются не весьма хрупкая и слабая демократия и во многом формально существующая многопартийная система, а вооруженные силы.

Однако после революции 25 января 2011 года, все больше египтян стали задаваться вопросом: не совершили ли они ошибку, когда прекратили революцию и отдали бразды правления в руки военных. От того, каким будет окончательный ответ на этот вопрос, во многом зависит будущий путь Египта.¹²

Неопределенность перспектив сохранялась и в тех странах, где, казалось бы, проблема смены власти была решена и являлась «семейным делом», как, например, в Саудовской Аравии. Действовавший в королевстве механизм преемственности власти оформился еще в 1930-х гг. в период правления основателя современного саудовского государства короля Абдель Азиза Ибн Сауда. Согласно ему, власть в королевстве носила наследственный характер и передавалась по старшей линии в роду представителям семьи Аль Сауд и связанных с ней родственными узами крупнейших племенных кланов Саудовской Аравии. Статья так называемого «Основного закона», принятого королем Фахдом в начале 1990-х гг., и созданный в 2000-м году совет из 18 старших принцев королевской семьи по определению преемственности власти несколько расширили возможности власти в вопросе выбора преемника.¹³ Принятый осенью 2006 г. закон о создании Комиссии по принятию королевской клятвы внес определенные коррективы в статью 5 «Основного закона» и был направлен на создание защитных механизмов от внутрисемейной борьбы за власть, придание конституционности процессу ее передачи и несколько расширил круг участников механизма принятия решений и кандидатов на высшие должности в стране. Однако данные меры носили косметический характер и не могли кардинально изменить сложившуюся практику в вопросе смены власти.

До начала революционных событий на Арабском Востоке традиционный механизм работал достаточно устойчиво. Передача власти наследному принцу Абдалле после кончины короля Фахда в августе 2005 г. прошла без видимых конфликтов

¹² www.aljazeera.net, 22.10.2011;04.12.2011.

¹³ Восток, 2006, № 3, с. 76.

в правящей элите. Впервые в истории королевства к власти пришел выходец не из клана Судейри, представители которого традиционно правили страной после смерти Ибн Сауда. В то же время, воцарение Абдаллы на саудовском престоле вряд ли могло свидетельствовать о серьезных переменах в вопросе о власти на верхних этажах правящей элиты. Скорее всего, это произошло в результате компромисса между соперничавшими фракциями королевского семейства в целях сохранения преемственности саудовского курса. Одним из первых указов новый король назначил в качестве наследника престола выходца из клана Судейри – Султана бен Абдель Азиза (ныне покойного), занимавшего пост министра обороны с 1962 г. Таким образом, сохранился традиционный механизм смены власти и баланс сил в правящей элите.

Власти королевства стремились объединить свои силы для решения стоящих перед страной весьма непростых задач. Речь шла прежде всего о выработке оптимального курса государственных реформ и противодействия терроризму. Поэтому говорить о наличии какой-либо системной оппозиции, тем более внутриаэлитного характера, не приходилось. Однако насколько долго мог сохраняться в неизменном виде достигнутый баланс сил, особенно с учетом тех изменений, которые произошли в королевстве и регионе за последние годы, сказать было достаточно сложно. Действительно, сохранять прежнее равновесие становилось все труднее. Третье поколение в правящей королевской семье постепенно выходило на политическую авансцену и требовало своей доли власти. В целях сохранения баланса сил саудовскому руководству было необходимо начать разработку новой формулы власти, способной обеспечить доступ к управлению государством представителей нового поколения саудовцев, и не только из ныне правящей семьи. Это было особенно актуально с учетом наличия в стране внесистемной оппозиции, ряды которой регулярно пополнялись за счет выходцев из небогатых слоев городского населения и сельских мигрантов.

Куда большую озабоченность саудовского руководства вызывала значительная религиозная оппозиция, которая не только потенциально угрожала стабильности страны, но и была способна подрвать легитимность нынешней власти, основанной на принципах ислама и шариата. Углубляющееся в стране социальное неравенство, несомненно, служило питательной

средой для роста оппозиционных настроений, которые в условиях отсутствия светских политических и общественных институтов канализировались в религиозной форме. Однако если треснувший социальный мир можно было попытаться склеить путем массированных финансовых вливаний¹⁴, то куда сложнее было справиться с решением политических проблем общеарабского характера. Эскалация напряженности в регионе приводила к тому, что призывы к джихаду становились привычным элементом пятничных проповедей в мечетях королевства. К тому же оппозиция пользовалась симпатией и поддержкой различных групп населения страны, в том числе представленных в саудовских силовых структурах. До сих пор саудовскому режиму удавалось справляться с акциями социального протеста¹⁵ и удерживать их от перерастания в неконтролируемые действия. Однако практически невозможно было предсказать, когда количество перерастет в качество и градус внутренней напряженности повысится настолько, что приведет к нарушению военно-гражданских отношений и баланса власти.

Очевидно, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, саудовский монарх в последних числах марта 2014 года произвел ряд знаковых кадровых перестановок в высших эшелонах власти. Так, немолодому наследнику престола принцу Сальману (77 лет) был назначен новый заместитель – принц Мукрин (68 лет), который мог рассматриваться как наиболее вероятный претендент на занятие в будущем престола в случае смерти или длительной нетрудоспособности действующего наследного принца или монарха. Наряду с этим принц Мукрин являлся одним из самых молодых сыновей (42-м) основателя династии Саудидов (Ибн Сауда), а его матерью была Барака аль-Йаманийя. То есть она не происходила из племени Саудидов и трех других союзных ему кланов, что нарушало одну из основополагающих негласных традиций наследования власти в королевстве. Более того, если допустить, что новый заместитель наследного принца имел много шансов стать будущим

¹⁴ В конце лета 2011 года саудовский монарх издал ряд королевских декретов, согласно которым на социальные нужды населения были ассигнованы миллиарды долларов США.

¹⁵ Одним из примеров стало выступление в ноябре 2012 г. части шиитского населения Восточной провинции королевства с требованиями улучшения своего социального положения.

саудовским монархом, то его нынешнее место, вероятнее всего, мог занять еще один выходец не из клана ас-Судейри. Некоторые пророчили это место старшему сыну действовавшего монарха принцу Мутаибу – министру по делам Национальной гвардии (который на деле осуществлял командование этой мощнейшей силовой структурой королевства). Дело в том, что сам нынешний король был рожден Ибн Сауду его женой по имени Бинт Аси аш-Шураим, происходившей из влиятельного племени Шаммар.

В то же время эвентуальный приход во власть представителей так называемого второго поколения Саудилов, которых насчитывается несколько сотен человек, мог спровоцировать определенные изменения во внутренней и внешней политике КСА. Подобные изменения могли быстро оформиться если не в виде государственных решений, то хотя бы на уровне заявлений и шагов таких представителей правящей династии, как принцы Мукрин, Мутаиб, Абдул Азиз бен Абдалла и Мухаммед бен Найеф.¹⁶

После кончины прежнего монарха и восхождения на трон 23 января 2015 года короля Сальмана бен Абдель Азиза, последний произвел ряд знаковых кадровых перестановок в высших эшелонах власти. Так, наследником престола был назначен Мукрин бен Абдель Азиз, которого в будущем должен был сменить на троне представитель «поколения внуков» из все того же клана ас-Судейри – принц Мухаммед бен Найеф. Сформированное новым монархом правительство также ознаменовало собой приход в высшее руководство страны не только внуков «короля-основателя», но и образованных разночинцев. Тем не менее указанные назначения не внесли кардинальных изменений в курс предшественника нынешнего монарха в вопросах смены власти.¹⁷

¹⁶ <http://www.iimes.ru/?p=20483#more-20483>

¹⁷ <http://www.iimes.ru/?p=23742#more-23742>

Глава 2

Активизация роли политического ислама в регионе

Как было показано выше, важные политические события, охватившие арабские государства Ближнего Востока на рубеже XX–XXI веков, затронули различные сферы экономической, политической и духовной жизни арабов. Это привело к серьезным сдвигам в сознании людей и способствовало созданию материальных предпосылок¹⁸ для формирования новых элементов общественно-политического сознания. Все это наложило определенный отпечаток на процесс эволюции современной социально-политической мысли на Арабском Востоке и поведенческий стереотип арабских народов.

На всем протяжении XX столетия две основные тенденции в развитии арабского общественного сознания – традиционная мусульманская идеология и светская западноориентированная мысль – взаимопроникали и противодействовали на всех уровнях сознания арабского общества.

На рубеже XX–XXI вв. развитие общественно-политического сознания в арабских странах Ближнего Востока детерминировалось рядом взаимовлияющих (если не сказать взаимоисключающих) факторов. С одной стороны, это и глубоко укоренившиеся в массовом арабском сознании идеи межарабской и исламской солидарности и опыт тысячелетнего противостояния христианскому миру, и историческая память о победах над крестоносцами и горечь поражения перед лицом европейской колониальной экспансии. С другой стороны, процессы модернизации и «вестернизации», начало которым было положено еще в XIX веке, оказывали серьезное воздействие на мировоззрение различных социальных групп и слоев арабского общества. Это было связано с тем, что в каждой арабской стране есть свой так называемый субкультурный код, обусловленный ее историей, этническим и конфессиональным составом насе-

¹⁸ В данном случае речь идет о так называемой Арабской весне.

ления, его национальными обычаями и традициями. В то же время в поведении арабских народов, их мировосприятии заложены некие общие основы, связанные в первую очередь с базовыми элементами веры, общности языка, территории, происхождения и исторической судьбы. Так, значительная часть населения арабских стран отрицательно относилась к навязанным Западом процессам глобализации и форсированной политической модернизации. С их точки зрения, эти процессы могли оставить не у дел средние слои и полностью разорить неимущие сельские и городские низы, составлявшие в ряде арабских государств более половины населения. Состояние перманентной социальной напряженности накануне арабских революций становилось характерным явлением практически для всех арабских стран Ближнего Востока, даже таких внешне благополучных, как нефтедобывающие монархии Персидского залива.

Данное явление было порождено рядом факторов как внутреннего, так и внешнего характера. В первом случае речь шла о маргинализации значительной части городского населения арабских стран в результате быстрых темпов демографического роста и развития процессов урбанизации в условиях сохранявшихся авторитарных методов правления, базировавшихся на принципах личной власти, конфессиональной, клановой и земляческой общности. Пауперизация немалой части населения арабских стран сопровождалась сверхобогащением части руководящей верхушки, контролировавшей основные финансовые потоки страны. Так, в период с 2003 по 2004 г. общий объем личных капиталов зажиточных людей на Ближнем Востоке вырос и составил 1-1,3 триллиона долларов США. При этом данный показатель демонстрировал значительно более быстрый рост, чем в каком-либо ином регионе мира. Ежегодные темпы прироста числа богатых людей в ближневосточном регионе могли составить в ближайшие несколько лет 9,1%.¹⁹ Одновременно росла грамотность арабского населения, постепенно сближались культурные уровни мужчин и женщин, а вместе с этим объективно менялось и общественное самосознание людей. Подобная динамика во многом была обусловлена развитием процессов модернизации, однако в указанных условиях развития арабских стран она могла нередко

¹⁹ Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006, с. 300.

обращаться против Запада и исходящих оттуда идей демократии и реформ.

С другой стороны, война США против терроризма, зачастую ассоциируемая с войной против ислама, присутствие американских войск в Ираке, палестино-израильский конфликт способствовали росту общественной напряженности в странах Арабского Востока.²⁰ Силы безопасности пытались контролировать эти процессы. Однако арабские лидеры опасались, что подобные демонстрации могут выйти за политические рамки и дестабилизировать режим. Спецслужбы и регулярные армейские части этих стран оказались в сложном положении. Фактически им пришлось выступить против мнения большинства собственного народа. Данное обстоятельство могло серьезно дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в арабских странах, особенно в обстановке массового народного подъема.²¹ На практике это выражалось в росте исламистских настроений в арабских странах и активизации в них радикальных исламских движений, представители которых стремились под флагом демократии и реформ утвердиться во властных структурах государства. Идеология возврата к «истинному или первоначальному» исламу во многом питалась наступлением западной культуры и образа жизни на арабское общество – быт, нравы, мораль, социальные связи между людьми, подрывая здесь традиционное общество.

Указанные проблемы осложнялись еще и тем обстоятельством, что в основе современной политической организации большинства арабских стран лежал принцип национализма. Именно под этим знаменем проходило создание независимых государств на базе возникших после распада Османской империи европейских колоний, многоконфессиональный и полиэтнический характер обществ в которых был во многом обусловлен произвольным установлением национальных границ в колониальный период. В результате для государственной ста-

²⁰ Предпринятые в 2010 году президентом США Б. Обамой усилия по исправлению антиисламского и антиарабского имиджа США на Ближнем Востоке в ходе его выступлений в Каире и Анкаре не принесли желаемых результатов.

²¹ Военные в Тунисе и Египте достаточно быстро решили для себя вопрос, на чью сторону им встать. А вот сирийская армия явно затянула с выбором, что и привело в настоящее время к ее фактическому распаду.

бильности и территориальной целостности независимых арабских стран создавалась потенциальная угроза. С одной стороны, их существование базировалось на принципе национализма, под знаменем которого они боролись против колониального господства. И в этом смысле их политическая организация естественно представляла собой так называемую нацию-государство. С другой, национализм в условиях многоконфессионального и полиэтнического общества таил в себе скрытую угрозу государственной децентрализации, поскольку под воздействием ряда факторов внутреннего и внешнего характера мог быть использован крупными этническими и религиозными сообществами в их борьбе за самостоятельность. В этих условиях единственным средством преодоления дезинтеграционных тенденций становилась авторитарность власти, чьи непререкаемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности новому руководству. Однако в долговременном плане подобные методы и средства, сохраняясь в неизменном виде, вряд ли могли оказаться эффективными, а в условиях революционного подъема представляли прямую угрозу территориальной целостности отдельных государств.²²

Легитимность нации-государства, как и всех других политических организаций, заключалась прежде всего в способности обеспечивать защиту жизни своих граждан и их цивилизационных ценностей. Однако по мере втягивания арабских стран в процессы глобализации эта способность стала подвергаться постепенной эрозии. В условиях, когда экономика большинства стран региона носила индустриализующийся характер, современные технологии связи, транспорта и коммуникаций, промышленного производства вооружений разрушали эту защитную функцию нации-государства. К тому же немалое число из вновь образованных государств на Арабском Востоке на деле оказались слабы в политическом и военном отношении, несамостоятельны экономически. Они не могли обеспечить эффективное управление, самостоятельно накормить

²² Не случайно сегодня среди многих сирийских и арабских экспертов бытуют опасения, что «алавитский» режим Асада может в конечном итоге подвести ситуацию к расколу страны с выделением так называемого алавитского анклава, напоминающего по некоторым параметрам существовавшее в 20-е годы прошлого столетия Алавитское государство, где алавиты могли бы надежно укрыться от преследований суннитов.

свое население и защищать себя. Поэтому большинство стран региона были вынуждены искать спасения в поддержании определенного баланса сил и защите со стороны более сильных государств.

Изменение геополитической обстановки в 1990-х – начале 2000-х гг. разрушило сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке. Нажимная политика США и ряда других стран Запада по форсированной демократизации государств региона на фоне борьбы с «исламским» терроризмом привела к созданию «вакуума авторитаризма» на Ближнем Востоке, который стал заполняться движениями политического ислама и этноконфессионального сепаратизма.

В этих условиях ничем не ограниченный национализм как основа государственного порядка, его основной легитимизирующий элемент уже не мог служить эффективным инструментом политической организации общества, принципом его действия и сохранения стабильности, а стал порождать тенденцию к анархии. Правительствам ближневосточных государств труднее становилось обеспечивать внутреннюю стабильность и поддерживать сбалансированные отношения со своими более могущественными соседями. Отсутствие внутреннего порядка и усиление анархических тенденций в политике создавали угрозу не только Ближнему Востоку, но и всему миру с учетом геополитической, энергетической, транспортной и коммуникационной значимости Ближневосточного региона.

Исторически развитие арабского национализма осуществлялось в процессе взаимодействия светского и религиозного (исламского) направлений.²³ Превалирование одного над другим было связано прежде всего с конкретными историческими условиями развития арабских стран и складывавшейся в них и регионе политической конъюнктурой. Арабский национализм второй половины XX столетия представлял собой модификацию идеологии политических движений конца XIX века, основанных на представлениях об арабах как единой нации и служивших знаменем борьбы арабских народов азиатских провинций Османской империи. Зародившись как один из элементов арабского культурно-просветительского движения (Ан-Нахда)

²³ Подробнее об истории становления и развития арабского национализма см.: Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли 1917–1945. М., 1979.

в конце XIX столетия, арабский национализм не сразу стал ведущим течением в общественно-политическом сознании арабов, идеологическим авангардом их политических движений. Долгое время идеи панисламизма и османизма служили сдерживающим фактором в развитии панарабизма. На рубеже XIX–XX вв. многие арабские политические деятели весьма скептически относились к идеям арабского национализма, полагая, что они подрывают силу Османской империи – единственного мощного исламского государства, способного противостоять экспансионистским устремлениям христианского Запада. Поэтому идеи арабского национализма, в том числе и партикулярного характера, развивались в тот период в основном в рамках панисламизма и османизма, а требования представителей арабских националистов редко выходили за рамки автономии в составе Османской империи.²⁴ И только Великое арабское восстание 1916 г., в ходе которого арабы открыто с оружием в руках выступили против Османского господства за создание собственной арабской империи, явилось переломным моментом в процессе эволюции идей арабского единства.

Определенное доминирование светского направления в арабском национальном движении после Первой мировой войны было во многом связано с тем обстоятельством, что основу его последующего развития формировали в период Ан-Нахды преимущественно арабы-христиане азиатских провинций Османской империи, которые были особенно подвержены влиянию европейских идей секулярного национализма. В своих теоретических изысканиях и подходах к определению панарабизма они делали особый упор на общность арабского языка, культуры и истории и исходили из того, что нация объединяет людей в рамках политической и гражданской общности, а не

²⁴ Сегодня в условиях революционного подъема на Арабском Востоке ряд западных (А. Courbon) и арабских мыслителей вновь вернулся к идее о том, что арабский национализм был насильственно экспортирован Западом в арабскую культурную традицию только с целью выдворить Османов с Ближнего Востока. Они также утверждают, что идеи этого арабского национализма легли в основу создания авторитарных режимов в арабских странах, которые своей политикой подвели регион к революционным потрясениям, главным бенефициарием которых может опять оказаться Запад, который не хочет упускать своего влияния в этом районе мира.

религиозной. К тому же они плохо представляли себе, как в условиях многоконфессионального арабского общества можно достигнуть арабского единства исключительно на базе ислама. С другой стороны, многие арабские интеллектуалы и национальные лидеры той поры видели в арабском единстве не столько цель, сколько средство «догнать» секулярный Запад в его военном и техническом превосходстве, что также служило укреплению светской линии в национальном движении арабов.

Напротив, в районах Арабского Магриба идеология арабского национализма формировалась в основном на базе идей исламской солидарности, что было связано с традициями и характером движущих сил национально-освободительной борьбы в этом регионе, которая проходила под знаменем ислама.

Однако уже к концу 30-х – началу 40-х гг. XX века и в районах Арабского Востока исламская составляющая арабского национального движения стала заметно усиливаться. Во многом это было связано с чувством глубокого разочарования значительной части либеральных светских арабских сил «цивилизаторской» миссией секулярного и просвещенного Запада. В результате ближневосточной политики западных держав арабы не смогли создать свое единое государство. Их земли оказались произвольно поделены между Великобританией и Францией, попали от них в колониальную зависимость, используя которую страны Запада активно поддержали процесс создания в Палестине национального еврейского очага. Используя антизападнический политический потенциал ислама, исламскую религию как основу культурного арабского наследия, арабские националисты пытались таким образом придать своему движению самобытный, отличный от Запада характер. К тому же начавшийся в этот период подъем антиколониального движения в арабских странах вывел на политическую авансцену Ближнего Востока новые социальные силы, чье мировоззрение и поведенческий стереотип в значительной мере определялись исламом.

После Второй мировой войны данный процесс продолжился и получил свое выражение в развитии концепции уруба (дух арабского самосознания) в направлении укрепления связи арабского национального начала с исламом. Развернувшаяся в арабских странах на рубеже 50–60-х гг. XX столетия политическая борьба за выбор пути развития в условиях начала процессов строительства независимых национальных государств

и современных обществ привела к власти в ряде ключевых стран Ближнего Востока представителей светских арабских националистов (баасисты в Ираке и Сирии, насеристы в Египте), которые пытались осуществить развитие на путях идей социализма. Подобные трансформации существенно укрепили значение секулярных тенденций в арабском национальном движении и повысили роль панарабизма в политике арабских государств.

Несмотря на это, исламское направление в арабском национализме не исчезло, а лишь временно отошло на задний план. Даже самые прогрессивные и светские руководители арабских стран были вынуждены искать легитимность своего правления в приверженности к исламу и учитывать интересы исламизированных слоев населения в процессе формирования социальной базы поддержки своей власти. На институциональном уровне это выражалось в том, что практически во всех арабских конституциях ислам провозглашался государственной религией, а ряд положений шариата рассматривался как источник права. Несмотря на непримиримую борьбу, которую арабские правители вели с исламской оппозицией («Братьями-мусульманами», например), они, как правило, не хотели рисковать и не трогали религиозные учреждения (мечети, медресе и т.п.) в отличие от институтов светских политических оппозиционных движений, которые подвергались полному разгрому в случае прямого столкновения с властью. Устранив угрозу выступления наиболее радикальных отрядов исламского движения, власти обычно не покушались на остальную, куда большую часть финансовой и экономической инфраструктуры исламских институтов общества, их печатные издания, собственность, кадры. Наоборот, они зачастую поощряли их развитие и расширение нередко за государственный счет в обмен на лояльность властям и легитимацию правящего режима. Поэтому в отличие от оппозиционных политических групп светского характера исламские оппозиционные движения, даже уйдя на время в подполье, всегда сохраняли потенциальные возможности возврата к активной политической работе. Используя в качестве агитационных пунктов и руководящих штабов мечети и медресе, они могли в короткие сроки обеспечить мобилизацию значительных масс населения и организовать финансовую поддержку своей деятельности через сеть исламских банков и экономических учреждений, чья собственность находилась на положении ва-

куфов. Данное утверждение нашло свое яркое подтверждение в ходе революционных движений практически во всех арабских странах Ближнего Востока. Нередко некоторые запрещенные властями леворадикальные группы в ряде арабских стран весьма успешно использовали эти возможности, чтобы таким образом удержаться в политической ткани общества. Со своей стороны, представители не легализованных исламских движений активно участвовали в работе таких светских по характеру общественных институтов государства, как профсоюзы, различные общественные ассоциации, творческие объединения, используя там свое членство для проникновения в представительские органы власти. Хорошим примером подобного взаимодействия могла служить деятельность некоторых отрядов левых политических сил и «Братьев-мусульман» в Сирии и Египте.

Частично этому способствовал тот факт, что правительство Египта с начала 70-х гг. XX века стало проводить политику «исламизации сверху», пытаясь вывести за рамки политического процесса радикальных исламистов и одновременно взять под контроль деятельность умеренных представителей исламского движения. Существенно расширилась сфера влияния государства на деятельность Министерства вакуфов, мечетей, медресе. В рамках этой политики власти выстраивали свои отношения с самым влиятельным исламским движением Египта – ассоциацией «Братья-мусульмане». Несмотря на то, что в Египте деятельность «братьев» была запрещена, власти фактически закрывали глаза на благотворительную, просветительскую и социальную работу членов организации. Они печатали книги и брошюры, налаживали широкую сеть социальной помощи по всей стране.²⁵ В глазах правительства тактика сближения с «братьями» была оправдана стремлением властей удержать настроения египетской «улицы» в определенных рамках. Это было особенно важно в условиях растущего социального напряжения в связи с войной в Ираке и нерешенностью палестинской проблемы. В то же время все попытки лидеров организации добиться легализации наталкивались на неизменный отказ властей. В декабре 2003 г. в ходе довыборов депутатов парламента представители «Братьев-мусульман»

²⁵ Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века. М., 2002, с. 221.

не были допущены к выдвижению своих кандидатур в ряде округов. В январе 2004 г. к руководству организацией пришел М. Акеф. Он считался одним из наименее консервативных лидеров организации. Многие его высказывания и действия наглядно свидетельствовали о его «реформаторской ориентации». Сразу же после своего избрания М. Акеф взял курс на сближение с правительством. Новый лидер организации хорошо осознавал, что добиться поставленных задач в условиях конфронтации с властью не удастся и это неизбежно приведет к репрессиям. В организации усилились позиции молодого поколения «братьев», стоявших на позициях «либерально-реформаторского» толка.

За последние тридцать лет социальный облик египетских исламистов сильно изменился. В рядах исламистов значительно увеличилось количество молодых людей в возрасте до 30 лет. Из них почти половина имела высшее образование. Они выступали против применения насилия, за проведение радикальных реформ внутри организации, отказ от ставки на «старшее поколение» и за привлечение в организацию молодежи, усиление активности «братьев» в профсоюзном и молодежном движениях, в первую очередь в университетах и мечетях, за расширение социальной сферы деятельности организации. Деятельность организации приобрела более активный и наступательный характер. «Братья-мусульмане» стремились обеспечить себе легальные условия для ведения политической борьбы. Укрепляли свои позиции в профсоюзах, государственных учреждениях, университетах, местных органах власти в качестве политического плацдарма для проникновения в парламент и правительство, силовые структуры.

К концу 1990-х гг. исламисты составляли большинство в руководстве ведущих профсоюзов и общественных ассоциаций Египта: адвокатов, врачей, инженеров, преподавателей университетов и т.д. Прошедшие в 2003 г. выборы в правления профсоюзов адвокатов и журналистов показали, что исламисты пользовались большим авторитетом среди рядовых членов профсоюзов. Очевидно, не без согласования с правительством в августе 2004 года организация выступила с инициативой проведения реформ в Египте. По крайней мере, эта инициатива активно рекламировалась в официальных СМИ и была поддержана различными партиями Египта. На этой основе лидеры организации выразили готовность сотрудничать с властями. В свою очередь власти посредством проведения так

называемого «национального диалога» стремились расширить социальную базу режима и одновременно добиться большей подконтрольности исламской оппозиции. Х. Мубарак и его ближайшее окружение, возможно, рассчитывали, что «братья», получив места в парламенте, окажут поддержку президентскому курсу, в том числе и в вопросах преемственности власти. Тем более, что один из вероятных претендентов на пост президента АРЕ сын Х. Мубарака Гамаль уже дал недвусмысленно понять, что придерживается в этом вопросе сходных позиций.

В то же время египетское руководство по-прежнему рассматривало «Братьев-мусульман» как своего основного политического соперника и сдержанно относилось к перспективе трансформации организации в политическую партию. Одновременно режим опасался, что в борьбе за власть «братья» не остановятся перед использованием насильственных методов. Поэтому в отношениях с «братьями» власть стремилась проводить политику «кнута» и «пряника»: то, делая шаги навстречу исламистам, то периодически проводя аресты. Так, в октябре-декабре 2003 года полиция и силы безопасности ликвидировали несколько группировок исламистов и арестовали активистов организации в Александрии и ряде других городов Египта.

Развитие политических процессов в Египте и регионе в целом повлияло на изменение взаимоотношений в треугольнике «власть – исламисты – армия». Характерно, что одним из первых декретов Высшего военного совета Египта после победы революции 25 января 2011 года стал декрет о разрешении так называемой партии «Аль-Васат». Эта партия в течение последних 11 лет активно добивалась легализации. Но власти не давали ей официальной регистрации, несмотря на то, что она неоднократно меняла свою партийную программу и названия. Египетские спецслужбы хорошо знали, что данная партия вышла из рядов запрещенной организации «Братья-мусульмане». В условиях революционного Египта уже очень скоро «братья» смогли официально легализоваться в Партию свободы и справедливости (ПСС). Создали свою партию и так называемые салафиты, которых принято считать одним из наиболее радикальных течений в исламе. Любопытно, что на проходивших 28 ноября 2011 года в Египте парламентских выборах «братья» и салафиты получили около 41% и 25% голосов соответственно, то есть фактически 2/3 мест в новом составе

египетского парламента. При этом избиратели продемонстрировали небывалую для Египта политическую активность.²⁶

Выход исламистов на политическую арену арабских стран постреволюционного Ближнего Востока был во многом предопределен процессом глобализации и связанными с ним демократизацией и реформами, основной вектор которых во многом определялся Западом. Это зачастую интерпретировалось арабским общественным сознанием как попытка западных держав, прежде всего США, перекроить политическую карту Ближнего Востока и утвердить там свое господство. В этой связи, несмотря на то, что в теории светский в своей основе процесс глобализации должен был бы усиливать тенденцию к секуляризации в арабо-мусульманском мире, на практике зачастую происходило обратное. Спротивление традиционалистских и националистических сил социально-политическим последствиям глобализации в ближневосточном регионе провоцировало активизацию исламизма и канализировало исламскую идеологию в русло поддержки движений социального и политического протеста, будь то в отдельных государствах или регионе в целом.

Тем более, некогда популярные идеи арабского национализма, панарабизма, основанные на представлении об арабах как о единой нации, а в дальнейшем персонифицированные на уровне арабских лидеров в лице Г. А. Насера, Х. Асада, С. Хусейна и проводимого ими политического курса постепенно утрачивали свою привлекательность в широких слоях населения арабских стран. Это особенно было заметно в условиях активизации процессов смены власти в арабских странах, борьбы за лидерство и передел собственности как внутри отдельных стран, так и на Арабском Востоке в целом.

Секулярные идеи панарабизма, арабского национализма, служившие на протяжении нескольких последних десятилетий идеологической и легитимизирующей основой (будь то в виде насеризма в Египте или баасизма в Сирии и Ираке) для правящих арабских режимов, не нашли своего практического воплощения. Арабские правительства не смогли решить главные для своих стран и региона проблемы: преодолеть экономическую отсталость, вернуть оккупированные территории на справедливой общеарабской основе, обеспечив создание пале-

²⁶ www.aljazeera.net. 12.04.2011; 07.05.2011; 04.12.2011.

стинского государства, защитить арабские народы от угроз внешней агрессии и междоусобных конфликтов. Таким образом, накануне революций власть полностью утратила доверие и легитимность в глазах собственного народа, и выступить против нее оказалось не таким уж сложным делом.

Совсем по-другому складывались дела в отношении движений политического ислама. Действительно, в отдельных странах региона представители политических движений ислама еще задолго до начала революционных событий продемонстрировали возможность прихода к власти как мирным, демократическим путем, так и с помощью силы. Ряд подобных движений и организаций, особенно те из них, которые выступали внутри своих стран с радикальных позиций, требуя восстановления социальной справедливости и равенства, а на региональной арене зарекомендовали себя как последовательные борцы против израильской оккупации арабских земель и американского господства в регионе, пользовались поддержкой значительной части населения арабских стран. Поэтому было бы наивным полагать, что в условиях массового народного подъема они оставались бы в стороне.

Однако это вовсе не означало, что получив власть в постреволюционный период, они были способны удержать ее в течение достаточно долгого времени, тем более способны справиться с решением сложных внутри- и внешнеполитических задач самостоятельно, без существенной собственной трансформации. В течение последних десятилетий организации типа «Братьев-мусульман», «Фронта исламского спасения», ХАМАСа, «Хизбаллы» находились либо на положении гонимой оппозиции внутри своих стран (Египет, Алжир, Сирия), либо, как показали события в Палестине (2007) и Ливане (2006–2008), сталкивались с активным неприятием со стороны правящего класса ряда ведущих арабских стран и Запада. В результате эти организации не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества. У них не было необходимого опыта государственного управления. Программы развития, которые учитывали бы интересы большинства многоконфессионального и полиэтнического населения этих стран, только проходили проверку на прочность во вновь избранных парламентах в странах победившей революции. Революция открыла им путь прихода к власти. Но в новых условиях они считали весьма рискованным брать на себя весь груз ответст-

венности за страну, поскольку в случае неудачи могли не только потерять власть, но и надолго оказаться на обочине развития своих стран²⁷. Поэтому они были склонны к диалогу с действующей властью и поддерживали идею правительств национального единства, о создании которых говорили практически все от Марокко до Афганистана.

В этой связи на смену светским в своей основе идеям арабского национализма и движениям панарабизма могли прийти движения политического ислама с новой идеологией, пытавшейся совместить национализм с идеями исламской демократии в качестве принципа государственного строительства. В этой связи пересматривались традиционные представления об исламской умме как общине единоверцев независимо от их национальной принадлежности. Публичные выступления лидеров «Братьев-мусульман», палестинского ХАМАСа, ливанской «Хизбаллы», новые корректировки их политических программ и установок значительно в меньшей степени пропагандировали догматы исламской веры. То, что было записано в первых программах этих исламских движений, представляло собой конечные цели. Никто не мог точно определить, сколько времени потребовалось бы для их достижения и будут ли они вообще реализованы на практике. По крайней мере, лидеры этих движений не говорили об установлении шариата как основы государственного управления. Они гораздо больше были озабочены положением в собственных странах, сохранением революционных завоеваний, нежели идеей построения «халифата». Оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступали с национально-патриотических общеарабских позиций и защищали идеи социальной справедливости и равенства, которые формируются на секулярных, а не только религиозных основах.

Другое дело, что лидеры исламских движений гораздо раньше, чем многие арабские руководители, осознали масштаб и глубину грядущих перемен. Некоторые идеологи умеренных исламских движений (египетский шейх Юсеф Кардауи, глава туниской исламистской партии «Ан-Нахда» Рашид Гануши) стремились приспособить ислам к демократии, «демократизировать» его. Это заставляло их модифицировать оригинальные

²⁷ Военный переворот 30 июня 2013 года в Египте и свержение ставленника «братьев» президента М. Мурси служит тому ярким примером.

воззрения исламских идеологов, в основе которых лежала идея создания исламского халифата. В программных заявлениях большинства подобных организаций не шла речь о создании единого исламского государства в обозримой перспективе. Они призывали к созданию «исламского демократического государства» в существующих национальных границах. Выступали за отказ от насилия как средства политической борьбы, осуждали терроризм, поддерживали принцип проведения свободных парламентских выборов. Однако на разных полюсах арабо-мусульманского общества исламские движения и их лозунги вызвали серьезные сомнения в их искренности и подозрения в истинности дальнейших намерений исламистов, опасения в их последующих шагах в случае прихода к власти. Светские политические силы, представители других конфессий настроенно относились к исламским реформаторам, рассматривая их как своих конкурентов в демократической борьбе за власть.

Часть II

Появление и развитие исламистских и джихадистских движений в условиях арабских восстаний: причины, характеристика, промежуточные итоги и перспективы (на сирийском материале)

Глава 1

Сирийское восстание.

Краткий исторический очерк

Еще в январе-феврале 2011 г. режим Башара Асада был твердо уверен в том, что Сирия обладает особым иммунитетом против революций. Подобное отношение было ясно продемонстрировано в интервью Б. Асада, которое он дал 31 января 2011 г. «Wall Street Journal». Правящая партия ПАСВ проводила оргштатные мероприятия и готовилась к предстоящему ранней весной XI съезду. В армии и спецслужбах оживленно обсуждали январские указы главнокомандующего о новых назначениях, увольнениях и повышениях. Действительно, на появившиеся в конце января и феврале 2011 года в «Face book» и «Twitter» призывы сирийской оппозиции к гражданам выйти на улицы откликнулись в основном сотрудники сирийских спецслужб и любопытствующие журналисты. Случившиеся единичные акции протеста носили спорадический характер, и в ходе них не выдвигалось никаких политических требований. Демонстрации протеста в Дамаске 15 марта 2011 года, которые считаются точкой отсчета революционных событий в САР, не получили должной оценки властей. Арестованные в ходе них граждане были вскоре отпущены. И даже когда произошли события в Дерья (17–18 марта) и Латакии (25 марта), где пролилась кровь и были использованы ударные части сирийских сил правопорядка, представители власти были не склонны драматизировать сложившуюся ситуацию, особенно на фоне недавних событий в Тунисе и Египте и происходящего в Ливии и Йемене. Действительно, выход людей на улицу

носил не столько организованный характер, сколько стал ответом на неадекватные действия сил безопасности в отношении 14–15-летних подростков, которые оставляли оскорбительные для режима граффити на стенах. Демонстрации проходили преимущественно мирно, без явных признаков этнической и конфессиональной розни и затронули лишь ряд провинциальных центров. Выдвинутые оппозицией политические требования расширения прав и свобод носили в основном общий характер. Демонстранты не требовали смены режима, тем более отставки президента. Наоборот, накануне и после выступления Башара Асада 30 марта в Народном совете (парламенте) Сирии по улицам крупнейших сирийских городов Дамаска и Халеба (Алеппо) прошли многотысячные шествия в поддержку президента и его курса реформ²⁸.

Однако вопреки ожиданиям большинства в самой Сирии и за ее пределами, сирийский президент не объявил о принятых им конкретных решениях по реформам, не осудил избыточное применение силы против демонстрантов и не выразил соболезнования родственникам погибших в ходе волнений в Деръа. Президент заявил, что Сирия стоит на верной стороне истории в отличие от мубараковского Египта. Ответственность за произошедшие «беспорядки» в стране президент возложил главным образом на происки внешних врагов.

Несмотря на это, кредит доверия к властям Сирии и лично президенту оставался достаточно высоким в различных слоях сирийского общества. Большинство сирийцев, несмотря на то, что «барьер страха» дал заметную трещину после событий в Деръа, не хотело революции, опасаясь жестких действий служб безопасности и не желая повторить судьбу своих соседей в Ираке и Ливане. В глубине души они надеялись, что их президент и его единомышленники во власти сумеют урегулировать положение мирным путем.

В течение нескольких последующих месяцев Б. Асад провел ряд важных мер и принял программу ускорения реформ в политической, законодательной и административной сферах.

Предложенная президентом программа реформ в целом носила достаточно прогрессивный характер. Однако простые сирийские граждане не увидели в ней адресности и ответа на

²⁸ Foreign Policy, 07.04.2011.

свои социальные запросы. К тому же с реформами власть сильно запоздала. Многие в Сирии надеялись, что именно эти реформы начнут осуществляться в 2005 г. после X съезда ПАСВ, в документах которого были отражены их основные положения. Вне зависимости от желания сирийских руководителей сама логика событий заставляла предположить, что власть может проводить реформы только под давлением, а их серьезность и глубина зависят от решимости протестующих продолжать выступления.

К началу лета 2011 года протестные движения охватили практически все наиболее значимые городские и сельские центры страны. Носившие вначале мирный характер демонстрации постепенно переросли в ожесточенные столкновения протестующих с силами правопорядка, в результате чего счет убитых и раненых с обеих сторон пошел на десятки и сотни. Не смогли устоять прежде спокойные столичные города – Дамаск и Халеб (Алеппо).

К началу лета 2011 года стало очевидно, что силовая составляющая играет ключевую роль в политике сирийских властей по отношению к народным протестам. В рамках действовавшей политической системы иной реакции власти на подобные события было сложно ожидать. В условиях новой президентской власти Башара Асада продолжали сохраняться основные параметры прежней модели государственного устройства, созданной его отцом Хафезом Асадом за 30-летний период (1970–2000 гг.) правления страной. Отличительной особенностью выстроенной Х. Асадом модели являлась институализированная форма авторитаризма и сильное с точки зрения безопасности государство. На протяжении последних 40 лет характер военно-гражданских отношений в САР определялся приоритетным мнением военных в процессе принятия решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны. Поэтому не было ничего удивительного в том, что управление кризисом было полностью отдано в руки военных, прежде всего специальных служб. Именно они и определяли на всех последующих этапах развития кризиса не только судьбу режима, но и всей Сирии.

Поведенческий стереотип различных политических и гражданских институтов государства в условиях жестко структурированной и вертикально выстроенной модели политического устройства мотивировался транслировавшейся

сверху²⁹ установкой: протестные движения – суть результат заговора врагов Сирии.

Жестокие действия режима по подавлению восстания и многочисленные жертвы среди мирного населения серьезно осложнили международное положение страны. В результате сирийские события получили широкий международный резонанс и привели к интернационализации конфликта.

На рубеже 2011–2012 гг. в сирийском революционном движении, которое прежде отличалось в основном мирным характером, наметилась устойчивая и быстро развивающаяся тенденция его милитаризации и перерастания в вооруженную борьбу. В течение 2013–2014 гг. ситуация стала стремительно сдвигаться в сторону начала полномасштабной гражданской войны. В то же время, сирийский режим не был готов идти на кардинальные реформы политической системы и постепенную смену власти.

Однако то, что сегодня происходит в Сирии, вряд ли было бы справедливым называть «исламистской» революцией. Скорее это народное вооруженное восстание, которое снабжается и финансируется прежде всего из исламистских источников. Достаточно быстро те, кто взялся за оружие, оказались в полной зависимости от тех, кто мог их снабдить этим оружием. Как правило, подобная помощь, особенно по мере ее роста, зачастую предоставлялась в зависимости от лояльности групп сопротивления исламистской повестке, что на практике выражалось не только в выборе названия отряда, но и особом поведенческом стереотипе (установление шариатских законов, например) на освобожденных территориях.

Радикализации сирийского конфликта и превращению его в межрелигиозную борьбу во многом способствовал сам режим. Избрав силовую тактику подавления сирийского восстания, Б. Асад и его близкое окружение неизбежно должны были найти себе «главного» противника в лице экстремистов. Поэтому первый и самый сильный удар был нанесен по светским, демократическим силам. Те, кто в марте 2011 года вышел на улицы сирийских городов с патриотическими требованиями реформ и свобод, очень быстро оказались перед выбором либо вовсе остановить мирные протестные акции, либо взяться за оружие. Многие гражданские активисты и их лидеры сильно

²⁹ См. выступление Б. Асада в парламенте SANA, 30.03.2011.

колебались и предлагали иные методы воздействия на власть. Но рост насилия и жестокость действий власти в отношении мирного гражданского населения вынуждали многих, особенно молодежь, братья за оружие. В условиях «асимметричной» войны, когда режим использовал авиацию и артиллерию для бомбардировки захваченных повстанцами районов, а вооруженное сопротивление испытывало острую нехватку оружия, акции террористов-смертников стали единственным средством поддержания баланса сил на поле боя. Это дало мощный рост джихадистским отрядам в силах вооруженного сирийского сопротивления и способствовало на начальном этапе росту их популярности среди части населения освобожденных районов. К тому же привлечение Б. Асадом иностранных наемников из Ливана, Ирака и Ирана, ряда других стран, вызванное серьезными потерями в живой силе национальных вооруженных сил и отсутствием должного боевого опыта у новобранцев, легитимизировало в глазах части местного населения участие в боевых действиях джихадистов из других арабских стран.

Как утверждалось в январском 2014 года докладе, подготовленном командованием Сирийской свободной армии (ССА), за годы конфликта общие потери правительственных войск составили 65 тысяч человек убитыми. При этом необходимо иметь в виду, что общая численность дезертировавших солдат и офицеров равнялась (февраль 2013 г.) приблизительно 100 тысячам человек. Неудивительно, что сирийский режим на сегодняшний день уверенно контролирует не более 30% территории страны и, по различным оценкам, должен был бы потерпеть сокрушительное поражение еще 1,5-2 года тому назад, если бы не получил помощь от своих зарубежных союзников.

Ценой частичной утраты национального суверенитета Б. Асад был вынужден призвать на помощь иностранцев. Это прежде всего боевые отряды ливанской «Хизбаллы», общая численность которых, по разным оценкам, составляла от 10 до 14 тысяч бойцов, а также иракские шиитские военизированные бригады «Абуль Фадль Аббаса» (несколько тысяч бойцов), которыми фактически руководит элитное подразделение Корпуса стражей исламской революции (КСИР) «Аль-Кудс» под командованием генерала Касема Сулеймани. Последний, по данным из источников военной сирийской оппозиции, фактически руководил обороной Дамаска и его пригородов. Данные о количестве иранских военных советников и специалистов, воюющих

на стороне Б. Асада, весьма противоречивы и недостоверны. Однако большинство экспертов полагало, что их общая численность не превышала 15 тысяч человек.³⁰

Характерно, что численность самой ССА, состоящей преимущественно из дезертировавших солдат и офицеров, а также отрядов народного ополчения, не превышала 30–35 тысяч человек. Отсутствие поставок вооружений из союзных им стран Запада, главным образом США, Великобритании и Франции, существенно осложняло ведение ими боевых действий даже против сильно ослабевшей армии режима, не говоря уже о шиитских вооруженных отрядах из Ливана, Ирака и Ирана. Вряд ли они смогли бы долго противостоять этой силе, если бы не поддержка так называемой вооруженной исламистской оппозиции, общая численность различных отрядов которой, по разным оценкам, колебалась на рубеже 2013–2014 гг. от 70 до 80 тысяч бойцов.

В отличие от ССА, чью идеологическую основу в целом питали мировоззрения светско-националистического характера, исламские бригады и фронты не испытывали особо сильной нужды в финансировании и оружии, которое поступало к ним из-за рубежа, главным образом из арабских монархий Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии. Сыграло свою роль и отсутствие должной реакции международного сообщества, которое оказалось бессильным не только остановить, но и осудить варварские действия режима. Указанные выше обстоятельства раскололи вооруженную оппозицию, выдвинув на передовые позиции радикальных исламистов, и дезорганизовали политическую оппозицию, которая не сумела сплотить силы вооруженного сопротивления на единой патриотической основе и политической платформе.

С другой стороны, возможность прихода к власти исламистов и создание исламского государства в Сирии настораживали многих сирийцев и зарубежные страны, которые были бы готовы при других обстоятельствах поддержать уход Б. Асада от власти.

После провала мирных конференций по Сирии «Женева-1» (июнь 2012 г.) и «Женева-2» (январь 2014 г.) среди ведущих внешних игроков на поле вооруженного конфликта в Сирии стала отмечаться любопытная тенденция, выразившаяся в смещении

³⁰ <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322>)

акцентов и приоритетов в их отношении к Б. Асаду, его режиму и вооруженной исламистской оппозиции в контексте общих усилий выработки «дорожной карты» политического урегулирования в САР. Речь прежде всего шла о смене вектора и объекта приложения усилий со стороны США, ряда их основных союзников в Западной Европе и на Ближнем Востоке по разрешению внутрисирийского конфликта. Под впечатлением военных успехов и растущего политического влияния вооруженных исламистов в Сирии страны Запада и ряд их ближневосточных союзников все больше склонялись к идее приоритетности избавления Сирии от воинствующих исламистов, связанных с «Аль-Каидой», а потом уже от Б. Асада и его режима. Отмеченная выше тенденция имела различные проявления на страновом, региональном, международном уровнях и, в конечном счете, приобрела достаточно устойчивый характер.

Глава 2

«Исламистский феномен» арабских восстаний

2.1. Религия и движения политического ислама. Общие положения

В случае революции 15 марта 2011 года в Сирии первоначально выдвинутые лозунги свободы, плюрализма, демократии, которые отражали в своей основе законные требования широких слоев сирийского населения, оказались выхолощены и постепенно трансформировались в религиозные лозунги экстремистского характера. Это привело, в конечном итоге, к подмене изначально сформулированных целей революции задачами (поддержанными частью повстанцев) установления религиозного государства. Подобная трансформация была во многом связана с целым рядом факторов, в том числе с ростом милитаризации в Сирии, слабой перспективой достичь разрешения кризиса политическим путем, провалом попыток международного сообщества вывести мирные переговоры из тупика. А огромные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения – всё это вело к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения.

Действительно, на ранних стадиях сирийского восстания исламская символика и ее материальное воплощение были слабо представлены в протестной среде. Однако их влияние становилось все заметнее по мере обострения идеологических споров, превращения многих мечетей в «штабы» революции, роста авторитета мусульманских проповедников, повышения их роли в революционных событиях.

Постепенно политические группы и боевые отряды исламистов становились основными фигурантами происходивших в Сирии событий. Участие исламистов в работе сирийской политической оппозиции и рост их влияния на нее уже стало невозможно игнорировать. С одной стороны, использование революционным движением некоторых исламских лозунгов и

появление исламистов в рядах революционеров стало вынужденным шагом. Оно явилось реакцией повстанцев на жестокие действия властей по подавлению восстания в условиях отсутствия какой-либо внешней поддержки светских, национально ориентированных сил, которым приходилось использовать исламские лозунги как средство мобилизации широких масс для поддержки революции и поддержания баланса сил³¹. Однако по мере укрепления места и роли в восстании вооруженных исламистских группировок, базирующихся на принципах ислама, использующих религиозную символику и базовые установления исламского государства, стала меняться публичная риторика командиров различных отрядов как политической, так и военной оппозиции. В своих публичных заявлениях и практической деятельности они стали постепенно отходить от первоначально заявленных революцией политических целей.

Этот поворот в сирийском кризисе сопровождался обострением конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами, с одной стороны, и национальным расколом между арабами и курдами – с другой. Одновременно усиливалось внешнее вмешательство в сирийский кризис, которое также шло по двум направлениям. Одна часть международного сообщества фактически поддерживала суннитское сопротивление, другая активно защищала режим Б. Асада, который опирался на алавитов и шиитскую поддержку.

Складываявшейся в Сирии и вокруг нее обстановкой умело воспользовались прежде маргинализировавшиеся режимом салафитские силы, представители которых, особенно на уровне провинциального звена, глубоко проникли в вооруженное революционное движение и определили тем самым в какой-то степени его социальную основу. Постепенно среди них стали заметно выделяться салафитские группировки, связанные с джихадистской идеологией, которые отвергали построение светского демократического государства и выступали за создание государства, основанного на базовых принципах исламского законодательства и администрирования. Отмеченные выше трансформации в сирийском революционном движении в сфере мировоззрения, идеологии и политики в конечном итоге способствовали разжиганию в стране гражданского конфликта,

³¹ См., например, http://www.youtube.com/watch?v=Z_b2xeQ5pGY.net/index.php?d=34&id=37350.

который всё больше милитаризировался и приобретал конфессионально окрашенный характер.

Позднее подобные идеологические установки нашли своё практическое применение на освобожденных территориях в ряде районов провинций Халеб, Ар-Ракка, Аль-Хасака и Джиср-аш-Шугур. Одновременно идеологические разногласия между различными вооруженными отрядами повстанцев вылились в открытую конфронтацию между ними и фракционную борьбу. Наиболее острые конфликты возникли между отрядами, связанными с «Аль-Каидой», Свободной сирийской армией (ССА) и курдами. Почвой для подобной конфронтации послужили попытки ряда исламистских группировок ввести на освобожденных территориях законы и нормы шариата, а также предпринятые ими попытки навязать свою доктрину другим слоям сирийского общества. В то же время было бы неверным сводить возникшие между различными повстанческими отрядами разногласия исключительно к сфере исламской идеологии. Между местными вооруженными формированиями наблюдались серьезные расхождения во взглядах на будущий политический режим, методы и способы реализации им базовых демократических ценностей.

Для того чтобы хоть как-то приблизиться к пониманию сути вышеуказанных процессов внутри повстанческого движения, необходимо охарактеризовать различные исламские политические объединения, их природу и взгляды, практическую деятельность связанных с ними вооруженных группировок.

Одна из главных проблем, с которой сталкиваются исследователи, изучающие подобные вопросы, заключена в следующем. Подавляющее большинство объектов исследования – исламские движения и организации – практически не были представлены в Сирии до начала революционных событий ни политически, ни институционально. Значительная часть этих движений и организаций появилась с началом сирийского восстания и зародилась внутри самого революционного движения. При этом они отличались повышенной секретностью и закрытостью, а часть из них, вышедших из глубокого подполья, куда они были загнаны режимом, не стремилась афишировать свои взгляды.

Ярким примером одного из подобных политических движений была организация «Братья-мусульмане», которая имела достаточно прочное присутствие в общественной и политиче-

ской жизни Сирии до того, как была запрещена в 1980 году. С началом революции «Братья-мусульмане» постепенно стали превращаться в ее активного участника.

Другим движением того же толка были сирийские салафиты. До революции салафитское движение в Сирии находилось под негласным запретом и подвергалось гонениям³², но оно стало постепенно возрождаться по мере того, как часть отрядов вооруженной оппозиции восприняла в ходе сирийской революции идеологическую доктрину салафитов. При этом салафитское движение в Сирии не отличалось прочным единством, и, соответственно, степень его влияния на революционный процесс была далеко неоднозначной. Так, в Сирии существовал ряд группировок, которые исповедовали салафизм джихадистского толка, близкий к «Аль-Каиде». Но были и салафиты, которые не имели к «Аль-Каиде» никакого отношения.

Другим не менее влиятельным политическим движением был суфизм. Суфии в Сирии традиционно делились на две группы: одни были тесно связаны с правящим режимом и стояли на официальных позициях; другие не были связаны с властью и исповедовали собственные взгляды. Во время революции подобный дуализм в суфийском движении сохранился, выразившись в практическом плане в расколе его приверженцев на тех, кто поддержал революцию, и тех, кто считал необходимым оставаться на нейтральных позициях.

Еще одним движением можно считать так называемых «независимых исламистов». Последние не разделяли взглядов ни «Братьев-мусульман», ни салафитов.

Ряд исследователей выделяет в отдельную группу шейхов и связанные с ними школы. Предпочтительнее, однако, классифицировать их идеологические воззрения по степени их наибольшей близости к трем основным политическим и идеологическим движениям Сирии – «Братьям-мусульманам», суфиям и салафитам.

Нередко многие западные, арабские и отечественные журналисты и обозреватели упрощенно подходят к этой проблеме. Они склонны рассматривать это сложное и многомерное явление через призму общих представлений, которые зачастую связаны западными и арабскими СМИ. При этом в немалом

³² Об истории сирийских салафитов см. подробнее публикацию *Carnegie Middle East Center*, 21.11.2012. <http://carnegie-mec.org/publications/?fa=50091>.

числе их печатных и электронных изданий сложно бывает найти сильный логический ряд, выстроенный на аргументированной основе, подтвержденной репрезентативным фактическим материалом, зато во взглядах на эту проблему легко обнаруживаются предубеждения. Так, в ряде случаев практически игнорируются существующие между исламистскими группировками различия в их идеологических воззрениях, решаемых задачах и целях, которые они преследуют. Слабо учитываются такие факторы, как разная степень их вовлеченности в революционный процесс, их поведенческие стереотипы, различия в предлагаемых концепциях государственного устройства.

В определении подходов к изучению роли религии в деятельности исламистских групп и движений нередко смешивается чисто символическая и духовная роль ислама в процессе восстания. Аналогичная путаница наблюдается также и при идентификации исламистских движений с точки зрения их оперативной и политической деятельности. Подобного рода генерализация используется и в оценках концептуальных установок, идеологических трендах различных отрядов вооруженной оппозиции. При этом мало внимания уделяется политическим заявлениям их лидеров, выдвигаемым ими идеям и шагам по их реализации на практике.

Существует и немало трудностей концептуального порядка. Это, во-первых, кардинальное отличие «исламистского феномена»³³ от характера сирийского режима³⁴ (на институциональном уровне особенно), который в целом хорошо изучен. Во-вторых, это сами реалии общественных отношений в Сирии в условиях кризиса, которые имели весьма подвижный харак-

³³ Под «исламистским феноменом» (сам термин носит во многом условный характер) в данной работе понимается достаточно сложное общественно-политическое явление, которое в условиях сирийских событий охватило значительную массу сирийцев, изменив их прежние мировоззренческие и поведенческие стереотипы. В результате в Сирии возникла абсолютно новая социальная страта, которая различными способами и методами пытается самоидентифицироваться в социальном, политическом, идеологическом, культурологическом плане в предлагаемых обстоятельствах.

³⁴ Подробно о характере и природе сирийского режима см.: Ахмедов В. Современная Сирия. История. Политика. Экономика / Ин-т востоковедения РАН. М., 2011, с. 29–49; 132–145.

тер. В-третьих, исключительность самого сирийского восстания. Оно длится уже пятый год и прошло несколько этапов, начиная от революционных, протестных шествий мирного характера, вооруженного народного восстания, заканчивая полномасштабной конфессионально окрашенной гражданской войной с участием представителей государственных структур внешних сил (Иран и «Хизбалла»), внешней и внутренней агрессией джихадистских вооруженных формирований (ИГИЛ/ИГ, «Джабхат ан-нусра») и открытым вооруженным иностранным вмешательством США и их союзников по коалиции под предлогом борьбы с ИГИЛ/ИГ. В-четвертых, особый исторический контекст, который накладывается на современные условия, в которых протекала эта революция.

Без учета и изучения вышеуказанных обстоятельств достаточно сложно осмыслить различные измерения «исламистского феномена», понять его природу и характер, детали и нюансы обстоятельств его появления.

2.2. Исторические причины и социально-политические предпосылки зарождения в Сирии «исламистского феномена»

На протяжении более чем 50 лет сирийские исламисты подвергались систематическим репрессиям внутри собственной страны и преследованиям за ее рубежами. Конфронтация между правящим режимом и «Братьями-мусульманами» относится еще к 60-м годам XX столетия. Конец 1970-х годов был отмечен кровавыми событиями восстания «Братьев-мусульман», которое было жестоко подавлено в Хаме в 1982 году. Начиная с 1980-х годов любая общественная и политическая деятельность исламистов в Сирии находилась под жестким запретом.

В этот период режим активно пытался придать секулярный характер политическим институтам государства и внедрял светское мировоззрение в массовое сознание. В результате политический ислам (за исключением официального, государственного) оказался под запретом. Любой, кто пытался исповедовать исламистские взгляды, подлежал аресту. В 1980 году был принят закон № 49, согласно которому только за подозрение в принадлежности к «Братьям-мусульманам» грозила смертная казнь. Запрет на политическую деятельность касался

не только этой организации, но и всех других исламских и светских политических партий и организаций, чья деятельность шла вразрез с внешней и внутренней политикой сирийского режима.

Отношения салафитов (которые вынуждены были вести очень ограниченную и практически подпольную работу) с режимом всегда носили напряженный характер. В действительности господство шейхов и суфиев, их религиозных доктрин в обществе в результате их тесных отношений с режимом приводило на практике к ограничению отношений с режимом других исламских движений. Исторически салафиты и суфии были враждебны друг другу. Дружеское отношение режима к суфиям выразилось, в частности, в том, что режим не давал распространиться салафитскому вероучению.

Имея светский, баасистский характер, режим в своей внутренней политике опирался на мощный аппарат спецслужб. Эта практика особенно ярко проявилась во взаимоотношениях властей с исламистами. К тому же режим часто использовал практику военных судов. Поэтому исламистам в Сирии приходилось испытывать немалые сложности. Их выбор был невелик; уйти в подполье, сесть в тюрьму, уехать за границу или дожидаться момента, когда режим падет.

Другой характерной чертой взаимодействия режима с обществом был конфессионализм, который зачастую приобретал черты политического характера (политический конфессионализм). Подавляющая часть высшего сирийского руководства принадлежала к одной религиозной общине – алавитам (численность которых не превышала 12% населения САР). Этот факт лишь усиливал конфессиональный аспект и в без того непростых взаимоотношений исламистов с режимом.

Подобный характер взаимоотношений привел в условиях революционного подъема к тому, что общественные ниши, куда могли бы канализироваться настроения «новых» исламистов, т.е. тех, кто вооруженным путем сражался с режимом (речь идет прежде всего об ИГИЛ/ИГ, «Джабхат ан-нусра», «Джейш аль-Ислам», других исламских фронтах), используя в качестве мировоззренческой основы и идеологических установок исламское вероучение в трактовках, сильно отличавшихся от тех, которые были приняты на официальном и полуофициальном уровне до начала сирийских событий, практически отсутствовали, или их рамки оказались очень узкими. В резуль-

тате многим исследователям и политологам как в России, так и за рубежом было очень сложно дать верную оценку даже таким известным движениям, как «Братья-мусульмане» и помочь им выстроить отношения с режимом в условиях революции.

В таких странах, как Египет, Саудовская Аравия, ряде других монархий Персидского залива, где исламистские организации были также запрещены, всё же были созданы оперативные каналы их взаимодействия с властью. Параллельно существовали определенные идеологические рамки для подобного рода отношений, что несколько облегчало задачу властям в плане селекции и классификации различных отрядов исламистов. В Сирии же накануне революции не существовало легальных институализированных исламистских организаций, на примере которых можно было бы дать характеристику организациям «новых» исламистов, появившихся в период революции, и сравнить их с каким-либо местным аналогом. В лучшем случае эти исламистские организации либо восстанавливали связи, порушенные прежде спецслужбами, либо создавали новые. Это, конечно, не относилось к религиозным институтам (школы, мечети, вакуфы, благотворительные фонды), связанным с режимом, а также к суфийским орденам, чью деятельность правительство поощряло на протяжении последних 30 лет. Поэтому не было ничего удивительного в том, что многие из тех сирийцев, кто связал свою судьбу с борьбой с режимом и вступил в исламистские отряды, испытывали серьезные трудности в определении своей идеологической или политической идентичности. Не помогло и то, что в некоторых отрядах для новобранцев были организованы специальные индокринационные курсы. Основное внимание на них уделялось все-таки боевой подготовке.

Так, до революции было практически невозможно более или менее четко определить разницу между салафитами-джихадистами, умеренными салафитами и «Братьями-мусульманами» – с точки зрения их отношения к режиму и стратегии борьбы с ним. Поэтому те силы, которые смогли достичь согласия по общим целям революции, сумели на какое-то время заключить союз. В то же время подобные альянсы не носили стратегического характера и уж ни в коей мере не отражали общность в понимании конечных целей революции с точки зрения построения новой государственности. К тому же отношения отдельного члена группы с коллективом носили времен-

ный характер, а их прочность во многом зависела от хода революционных событий. Поэтому подобные отношения носили весьма подвижный характер и не являлись устойчивыми.

В этой связи нельзя исключать того, что в постсаудовский период характер противостоящих режиму сил (неожиданно для многих) может приобрести светскую компоненту, наряду с исламистской повесткой. При этом их политическая деятельность может дать иные инструменты в виде новых политических партий, СМИ, финансовых фондов, которые начнут ограничивать деятельность исламистов совершенно иными методами³⁵.

С другой стороны, очень непростые отношения исламистов с режимом накануне революции и та практика, которую он долгие годы проводил в отношении них, породила в их рядах ответные действия. Так, многие из них полагали, что революция изначально должна носить характер вооруженной борьбы с целью свержения режима и не верили в возможность его постепенной трансформации. Все это привело к тому, что расхождения между различными отрядами оппозиционного движения стали на каком-то этапе главной темой сирийского восстания.

2.3. Роль исламского фактора и символики

Многих политиков и политологов как внутри Сирии, так и за ее пределами настораживал тот факт, что на каком-то этапе сирийского восстания в нем возобладал «дух» ислама, выразившийся прежде всего в использовании различными отрядами сопротивления исламской символики и лозунгов. Поэтому многие эксперты и обозреватели концентрировались в первую очередь на исламской атрибутике, исламских лозунгах, проповедях некоторых настоятелей в мечетях, выкриках в ходе мас-

³⁵ С программными установками ряда исламистских движений, партий, вооруженных отрядов можно ознакомиться на их официальных сайтах. См., например:

<https://docs.google.com/document/d/1fACS9tltmZDmomlB1ZtiJLZaAckWOT0yhtRwoskgI/>; www.ahraralsham.com/; www.facebook.com/ifajr/;
<http://syrialiberationfront.com/>; <http://lewaaltawheed.com/>;
<http://www.al-farok.com/>; <https://www.facebook.com/ALFAROQISLAMIC/>;
www.asala-tanmia.com/; www.al-farok.com/archives/1264/;
<http://tinyurl.com/o4a8zxo>; <http://www.youtube.com/watch?v=ecldcfDTPOE>.

совых демонстраций, исламской символике в названиях вооруженных отрядов, полагая, что именно ислам является главным трендом повстанческого движения.

На самом деле подобные лозунги серьезно отличались от лозунгов и воззваний тех исламских движений, которые уже дано были известны в мусульманском мире. «Новые» исламисты как бы искали через эти лозунги свою идеологическую и политическую идентичность в привязке к истинному исламу. Несмотря на то, что этот религиозный атрибут сирийского восстания находил отклик внутри общества, он серьезно отличался по своей интеллектуальной глубине, идеологической, политической повестке, поведенческой практике от атрибутов традиционных движений политического ислама.

Возникший в условиях сирийского восстания идеологический вакуум в обществе в результате отмеченных выше особенностей взаимоотношений власти с религией привел к изменению характера отрядов вооруженной оппозиции и способствовал появлению «новых» исламистов. Указанное явление достаточно явно проявлялось в ходе анализа их внутренней структуры, социального состава их союзников и противников из числа других отрядов вооруженной оппозиции.³⁶

Как уже отмечалось, большинство из них до сих пор находится в поиске своей идеологической и политической идентичности и переходит из одного состояния в другое, чтобы окончательно определить для себя идеологические рамки и способы поведенческого стереотипа в обществе. Большинство «новых» исламистов представлено различными отрядами вооруженной оппозиции, которые ведут вооруженную борьбу с режимом Асада с самого начала восстания из-за особого характера революции в тех районах, где местное население решило взяться за оружие. Ряд этих отрядов расширил ареал своей деятельности по мере того, как в них вливались новые бойцы. Они продолжали искать новых союзников, которые могли бы согласиться с их идеологическими установками и методами действий на освобожденных территориях. Некоторые преуспели в этих своих попытках. Другие потерпели крах. Часть этих отрядов отличалась прочностью структуры, другие были весьма

³⁶ Подробнее об исламистских движениях в арабских странах см.: *The Encyclopedia on Islamic Movements in the Arab World*. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies, 2013, pp. 1158–1161.

фрагментарны. Одни возникли на идеологической основе, создание других было продиктовано исключительно практическими соображениями. На протяжении всех последних лет революции эти показатели были очень подвижны и быстро менялись. Правда, сегодня они в целом приобретают единый характер.

Любопытно, что, по оценке ряда сирийских и арабских интеллектуалов, такое явное использование религиозного фактора как фактора духовного подъема на определенном этапе революции означало на деле стремление различных отрядов революционного движения достичь общности идеологического мировоззрения на будущее устройство Сирии. Таким образом, повстанцы и сочувствующая им часть общества использовали религию как фактор временного сплочения против превосходящих сил режима, его жестокой практики подавления восстания.

В то же время нельзя исключать, что по мере ослабления режима и перехода его к оборонительной тактике (что и происходит сегодня), та символическая роль ислама, которую он приобрел на более ранних этапах восстания, может начать трансформироваться после победы революции. В этой связи уже сегодня необходимо четко разграничивать природу и цели «исламистского феномена» как текущего момента восстания и ислама как религии, идеологии и политического движения.

2.4. Социальный, земляческий и племенной аспекты «исламистского феномена»; роль периферии

Одной из особенностей сирийской революции является существенная разница между городом и деревней в Сирии и та роль, которую сыграла в восстании периферия, по крайней мере, на его начальном этапе.

Как известно первые наиболее сильные очаги революции вспыхнули в провинциальных центрах, и до тех пор, пока антиправительственные выступления не достигли столичных городов Дамаска и Халеба (Алеппо), революция носила преимущественно характер мирных протестных движений. Началась она в периферийных центрах отчасти потому, что именно там силы безопасности и армия утратили свой авторитет среди населения. Имело также значение резкое ухудшение социально-экономического положения населения периферии и неспособность местных властей

справиться с вызовами рыночной экономики. Особенно заметным это стало в период правления Б. Асада.

В то же время в Дамаске и Халебе (Алеппо) интеллектуальная, экономическая, торговая элиты не хотели революции и не желали испытывать все связанные с ней риски. В таких городах, как Дамаск и Халеб (Алеппо), можно было с достаточной долей уверенности выделить (по месту жительства) очень бедные слои населения, готовые поддержать революцию. Одновременно с этим их более состоятельные соседи из представителей среднего класса и торгово-промышленной буржуазии не приветствовали эту революцию, а многие жители зажиточных кварталов тесно связывали свое благополучие с режимом.

Определяющая роль периферии по сравнению с городом на начальных этапах сирийской революции оказала специфическое влияние на религиозные аспекты восстания, которые по своему типу больше напоминали бедуинский характер, сельскую атрибутику и именно этим объясняется такое распространение ислама салафитского толка по сравнению со скромной ролью традиционного суфийского вероучения. Салафитские идеи расцвели прежде всего в условиях провинциальных центров. Вклад так называемого цивилизационного ислама, присутствующего городским элитарным слоям, буржуазии, торговцам, интеллигенции, военным, носил весьма скромный характер как среди гражданских, так и военных участников революционного движения. Это становилось очевидным на примере весьма скромного присутствия суфийского элемента как в отрядах вооруженной, так и гражданской оппозиции.

В результате «исламистский феномен» революции нес в себе сильный провинциальный компонент и с этой точки зрения имел потенциально временный характер. Было бы преждевременным считать устоявшейся ситуацию в идеологическом спектре «новых» исламистов. Факторы влияния, финансовой поддержки все еще продолжают оказывать воздействие на формирование идеологической ориентации и политической повестки этих группировок. Поэтому необходимо четко отслеживать смену религиозно-идеологических предпочтений различных отрядов воинствующих исламистов. При этом тем, кому небезразличен характер будущей власти в Сирии, важно стараться нащупать возможный общий вектор их политико-идеологической ориентации в случае падения режима Асада,

не путая его (вектор) с религиозной символикой и духом, столь характерными для суннитского ислама.

Одновременно было бы неплохо понимать, до какой степени эвентуальный религиозный «мейнстрим» «новых» исламистов может корреспондироваться с идеологией уже известных движений политического ислама. Подавляющее большинство «новых» исламистов из отрядов вооруженной оппозиции не имеет сегодня организационных ниш с прицелом на мирное время. Именно через них они могли бы вернуться в гражданское общество и быть приняты в нем. Их появление было связано прежде всего с тем политическим и идеологическим выбором, который был им навязан режимом и рядом внешних сил.

«Исламистский феномен» сирийского восстания серьезно трансформировался за несколько последних лет, особенно в связи с особыми условиями сирийской революции. Нельзя исключать, что в случае прекращения военных действий в Сирии и постепенного возвращения жизни страны в прежнее, мирное русло «исламистский феномен» может постепенно исчезнуть, поскольку, как было показано выше, его живительной основой служит жестокая вооруженная борьба в стране. В этом контексте борьба с ИГИЛ и другими подобными ей джихадистскими организациями в Сирии и соседних странах Арабского Востока, несомненно, имеет большое значение.³⁷

Реальная угроза наступления ИГИЛ (или ИГ, как его сегодня принято называть) в государствах Арабского Машрика, прежде всего в Ираке и Сирии, способствовала тому, что впервые за годы развития вооруженного сирийского конфликта его основные участники осознали глобальную опасность этой организации³⁸. Сегодня, похоже, к ним приходит понимание необходимости формирования международного и регионального консенсуса по сирийскому вопросу, и выводу Сирии из кризиса. В настоящее время практические все, включая Иран и КСА, а также противоборствующие сирийские стороны сходятся в том, что ИГИЛ в обозримой перспективе может представлять реальную угрозу, по крайней мере, странам Арабского Востока и монархиям Персидского залива и с этой организацией необходимо бороться.

³⁷ Syria Islamists versus Geneva 2 // <http://www.throwwww.com/a/2ydo>.

³⁸ Syria-Iraq: how could be so wrong about so much? <http://yallasouria.worldpress.com/?s=vlahmed60>.

Глава 3 ИГИЛ в Сирии и Ираке

Своими корнями ИГИЛ уходит в Ирак, в отряды суннитского сопротивления, частично связанного с иракским филиалом «Аль-Каиды», сражавшейся против американской оккупации этой арабской страны. В Сирии ИГИЛ возглавил Абу Бакр аль-Багдади, который прежде руководил иракским отделением «Аль-Каиды» – ИГИ («Исламское государство Ирак»). В Ираке сторонники Абу Бакра аль-Багдади сражались против правительственных структур, где господствовали шиитские элементы, и делали это от имени иракских суннитов. Не случайно, среди высшего командного состава ИГИЛ можно было встретить бывших высокопоставленных военных из армии Саддама Хусейна. Напомним, что на момент начала сирийской революции на территории Сирии (в основном в районах Аль-Гуты) находилось, по разным данным, от 1 до 1,5 миллионов иракских беженцев, которые спасались от иностранной оккупации Ирака³⁹.

ИГИЛ образовалась на территории Сирии из «Исламского государства Ирак», связанного с «Аль-Каидой», которая в бытность своей деятельности на территории Ирака прославилась атаками на правительственные войска и объекты, став причиной многочисленных жертв среди мирного населения.

Несколько основных факторов послужили поводом для вмешательства ИГИ в сирийские события. Это та конфессионально окрашенная война, которую вел асадовский режим против сопротивления, и та обстановка хаоса гражданской войны, которая позволяла ИГИ установить свое политическое и военное присутствие в населенной преимущественно суннитами Сирии.

Укрепление ИГИЛ в Сирии происходило на фоне глубокого конфессионального конфликта в стране и той ненависти, которую испытывало суннитское население в связи с жестокими

³⁹ <http://www.understandingwar.org/report/al-qaeda-iraq-resurgent-part-ii>.

действиями правительства Асада по подавлению мирного (в течение первых 8 месяцев) восстания. Значительная часть сирийцев, которые сегодня сражаются в Сирии, не были до революции политически активны и не выдвигали ярко выраженных идеологических и религиозных лозунгов. А многие и сегодня испытывают серьезные трудности с самоидентификацией (в религиозно-идеологическом плане), и они еще не определились окончательно в своих политических предпочтениях. Не имея оружия, лишены поддержки извне, они постепенно устремлялись к тем, кто одерживал победы над асадовским режимом, вступая в их вооруженные отряды (тем более, что это весьма прилично оплачивалось). По степени военного превосходства в оружии и боевом опыте, а также финансовом обеспечении отряды джихадистов намного превосходили сирийское национальное движение сопротивления.

Действительно, сирийское восстание явилось ответом на ту социально-политическую систему, которая существовала в Сирии более 40 лет и была крайне неэффективна с точки зрения разрешения острых социально-экономических проблем населения, обеспечения его безопасности, свобод и прав, социальной и религиозной справедливости, эффективности управления. В Сирии существовал авторитарный режим, главной целью которого была защита правящей алавитской группировки и связанных с ней элит. ИГИЛ никогда бы не смог возникнуть, если бы режим не практиковал жестких полицейских методов в отношении собственного населения и в начальные месяцы восстания попытался бы найти политическое, а не военное решение для того, чтобы погасить протестные движения, которые первое время носили мирный характер и не выступали с требованием свергнуть режим.

В результате длительной вооруженной борьбы в Сирии основные институты государства, созданные правящим режимом, оказались разрушены либо существенно ослабли. Данное обстоятельство способствовало тому, что значительные участки территории страны сделались легкой добычей различного рода экстремистских группировок.

Создание мощной базы ИГИЛ в Сирии к весне 2013 года обеспечило успех этой вооруженной группировки в Ираке и явилось показателем слабости других вооруженных отрядов, сражавшихся в Сирии против Асада. За 2014 год в Сирии ИГИЛ сумело полностью захватить город Ракка, значительные части

Дейр эз-Зора и стратегические участки территории Халеба (Алеппо), а также установить контроль над рядом пропускных пограничных пунктов на границе Сирии и Ирака. К лету 2014 года численность ИГИЛ в Сирии насчитывала приблизительно от 7 до 10 тысяч бойцов и имела тенденцию к стремительному росту. По разным данным, организация контролировала от 30 до 40% сирийской территории. По сведениям некоторых экспертов, к концу 2014 года численность бойцов, сражавшихся в ИГИЛ, могла достигнуть нескольких десятков тысяч человек. В Ираке ИГИЛ смогло нанести поражение превосходящим силам иракской армии и захватить второй по величине город Мосул, а также немалое число современных вооружений, транспорт, средства связи. Освободили бойцы ИГИЛ из тюрем и несколько тысяч своих сторонников. Под контролем организации оказались части Фалуджи, Тикрита и Рамади на западе Ирака. В целом к концу 2014 года ИГИЛ контролировало в Ираке территорию, сопоставимую по своим размерам с Иорданией с ее 5-миллионным населением⁴⁰.

Действительно, ИГИЛ постепенно захватывало все большие территории и ресурсы в Сирии и Ираке и пыталось установить там если не свое государство (в его традиционном понимании), то укрепить свою власть и ввести собственные порядки и нормы жизни в своей оригинальной трактовке шариата и мусульманского права. Данные действия ИГИЛ служили магнитом для всех террористических и экстремистских групп, которые проходили там обучение и пополняли отряды джихадистов, действовавших не только в регионе Ближнего Востока. Так, за последние три года в Сирию прибыло 12 тыс. иностранных бойцов, из которых около 2,5 тысяч приехали из стран Запада и могли вернуться туда с серьезным боевым опытом. Большинство прибывших джихадистов не были сирийцами. Они приехали из Туниса, Ливана, Ливии, КСА и рассматривали собственные власти как ближайшего противника, с которым нужно разделаться в первую очередь, а потом двигаться на Запад.

К началу 2015 года ИГИЛ владело значительной частью территории и ресурсов в Сирии и Ираке, а также получило доступ к относительно современным видам вооружений в обеих

⁴⁰ Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus // *Atlantic Council*, June 27, 2014, p. 3–5.

странах. Однако одним из главных преимуществ ИГИЛ в войне служили финансовые средства. За счет контроля над рядом нефтеносных районов Сирии и Ирака, пропускных погранпунктов, помощи от частных благотворительных организаций и связей с международным криминалитетом ИГИЛ имело возможность аккумулировать значительные финансовые средства, которые тратило на покупку современного оружия и привлечение наемников-профессионалов. Финансовое превосходство ИГИЛ далеко превышало средства других вооруженных группировок и даже ССА, которая отчасти получала помощь от стран Запада, в том числе США.⁴¹

Как указывает название организации, она склонна рассматривать себя больше как государство, нежели простое движение сопротивления режиму. Те же, кто отказывались подчиняться их законам, рассматривались ими (как гражданские, так и военные) в качестве врагов. В то же время стремление ИГИЛ к установлению Исламского Государства на всей территории Ближнего Востока носит пока, на наш взгляд, во многом декларативный характер, хотя и провозглашается в качестве одной из конечных целей борьбы.

В отличие от многих других вооруженных отрядов сирийской оппозиции ИГИЛ не стремится к созданию в Сирии современного государства (базирующегося как на нормах, традициях, ценностях ислама, так и общецивилизационных установках), а хочет разрушить его до основания, считая порождением Запада и на его месте установить подобие Халифата. С этой точки зрения Запад и его арабские партнеры – архитекторы и хранители современного типа государства – в глазах ИГИЛ являются его врагами и врагами ислама⁴².

Государство, которое стремится построить ИГИЛ, и которое должно послужить реализации его планов, расположено в стратегически значимом регионе мира. В отличие от «ойкумены» исламского мира типа Афганистана Сирия и Ирак граничат с Ливаном, Иорданией, КСА, Турцией, Израилем и обеспечивают доступ джихадистам к нефтегазовым ресурсам, оружию, криминально-финансовым сетям, через которые они могут по-

⁴¹ <http://online.wsj.com/articles/islamic-state-fillscoffers-from-illicit-economy-in-syria-iraq-1409175458>.

⁴² <http://www.whitehouse.gov/blog/2014/10/14/president-obama-joins-international-military-leaders-discuss-coalition-efforts-again>.

полнять свой личный состав, боевой арсенал и финансовые запасы. С этой точки зрения США, страны Западной Европы, Персидского залива – первые цели этой организации. России также не стоит успокаиваться, особенно в свете последних вызовов со стороны ИГИЛ.

Несмотря на вышеуказанные возможности ИГИЛ, это не делает эту организацию всемогущей, как, впрочем, и другие военизированные группировки, действовавшие на территории Сирии. Это и отряды сирийского вооруженного сопротивления, остатки правительственных войск, подразделения ливанской «Хизбаллы» (часть которых сегодня покидает сирийскую территорию или принимает сирийское гражданство), а также иракские шиитские милиции и специальное подразделение «Аль-Кудс» иранского Корпуса стражей исламской революции⁴³. Все они находились в более или менее равном положении с точки зрения военной мощи, которая позволяла им какое-то время удерживать захваченные районы и выживать там. Тем более, как показывала практика, местное население в Сирии, оказавшееся под властью ИГИЛ, достаточно быстро начинало проявлять недовольство установленными порядками и выступать против них, нередко с оружием в руках. Несмотря на свои военные достижения, ИГИЛ сумело восстановить против себя практически все отряды сирийской вооруженной оппозиции различного спектра. Это и националистически настроенная ССА, поддерживаемая США и другими странами Запада, крупные исламистские группировки умеренного характера с национальной повесткой, поддерживаемые сторонниками США в регионе например, КСА и Катаром, ряд воинствующих отрядов салафитского движения. Последним открыто против ИГИЛ выступил Башар Асад с остатками своих войск (август 2014 года). Несмотря на то, что они все сражались против ИГИЛ, войну с ним они пока выиграть не могут, главным образом потому, что неспособны лишить его социальной базы поддержки среди мирного населения.

К тому же если бы вооруженные отряды в Сирии и Ираке, сражавшиеся против ИГИЛ, своевременно получили бы массированную военную и финансовую поддержку международного сообщества (которое пока лишь ограничилось известной резо-

⁴³ Syrian partition //

http://suriyedenhaber.blogspot.ru/2014/11/readings_10.html.

люцией ООН), они теоретически могли бы справиться с ИГИЛ. Однако на практике все выглядело куда сложнее и не так однозначно⁴⁴.

3.1. Кто, зачем и почему сражается против ИГИЛ?

Как в Сирии, так и за ее пределами среди тех, кто выступал за борьбу с ИГИЛ, сохранялись острые противоречия относительно партнеров, методов и средств борьбы с ним. Данное обстоятельство не могло не напоминать позицию различных отрядов сирийской оппозиции (гражданской и военной), которых объединяло одно – борьба против Асада и необходимость его смещения, что отчасти объяснялось сильной персонализацией института власти в сложившейся системе управления асадовской Сирией.

Так, в самих США относительно происходившего в Сирии имелись абсолютно противоположные взгляды. Некоторые политики и политологи (например, бывший посол США в САР Райан Крокер) в декабре 2013 года высказывались в духе того, что Асад (если выбирать из двух зол между ним и ИГИЛ) лучше для США как сторонник, чем противник. Другие выступали за то, чтобы занимать выжидательную позицию и дать возможность суннитским и шиитским экстремистам как можно больше истощить друг друга. Третьи рассматривали ИГИЛ исключительно как террористическую угрозу и выступали за то, чтобы решать эту проблему только военными методами путем точечных авиаударов и т.п.⁴⁵

К тому же в марте 2014 года Б. Обама заявил во время пресс-конференции, что у США нет пока стратегии борьбы с ИГИЛ. Данное заявление вызвало шквал критики в социальных сетях и озабоченность в рядах американских союзников в Европе. Однако, как ни странно, это способствовало тому, что немалое число стран начало становиться в очередь сто-

⁴⁴ Jones K. US Lacks Responsible Foreign Policy To Deal With ISIS // *News Blaze*, 01.09.2014. Available at: <http://newsblaze.com/story/20140901022104kaj1.nb/topstory.html>.

⁴⁵ Crocker R. C. Assad Is the Least Worst Option // *New York Times*, 21.12.2013. <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2013/12/21/for-peace-in-syria-will-assad-have-to-stay/assad-is-the-least-worst-option-in-syria>.

ронников борьбы с ИГИЛ, желая принять в ней участие под знаменами США. Б. Обаме оставалось лишь тщательно отобрать участников совместного похода против ИГИЛ⁴⁶.

Сложность стоявшей перед Б. Обамой задачи по выбору себе партнеров в борьбе с ИГИЛ определялась во многом тем обстоятельством, что все они, так или иначе, опасались, что в случае нанесения США ударов по ИГИЛ могут пострадать (напрямую или косвенно) их интересы. Так, несмотря на то, что режим Асада приветствовал нанесение США воздушных ударов по ИГИЛ, он в то же время предостерег американцев от односторонних действий без согласования с сирийским режимом. Россия также поддерживала такую постановку вопроса и считала, что лучшего партнера в борьбе с ИГИЛ, чем Асад, Западу не найти. Со своей стороны, представители сирийской оппозиции также поддерживали стремление США нанести удар по ИГИЛ, но опасались, что в случае координации США своих действий с Асадом это могло бы способствовать сближению сирийского режима с Западом и таким образом дать Асаду возможность удержаться у власти. Более того, удары еще не были нанесены, а среди части оппозиции уже стали раздаваться голоса против нанесения США и их западными союзниками авиаударов по ИГИЛ, которые, как они опасались, приведут в конечном итоге к координации с войсками Асада. Многие антиджихадистские активисты полагали, что борьба против ИГИЛ может, в конечном счете, свестись к войне против вооруженной исламской оппозиции⁴⁷. Таким образом, возрастал риск того, что в случае начала операции против ИГИЛ многие представители антиджихадистских движений могли встать в ряды ИГИЛ в борьбе с Западом.

Любопытно, но после начала военной операции сил коалиции против ИГИЛ в сентябре 2014 года и нанесения первых авиаударов по его позициям в Ираке и Сирии некоторые из вышеупомянутых опасений сбылись в той или иной степени. А главное ИГИЛ до сих пор продолжает сражаться, хотя и понесло в последние несколько месяцев ощутимые потери в живой силе, которые достаточно быстро заменяются новобранцами из разных стран мира.

⁴⁶ *Foreign Policy*, 09.03.2014; <http://goo.gl/OfYqmy>.

⁴⁷ Assassination of Ahrar al-Sham Military Leadership in Syria. <http://www.uruknet.de/?p=m109691&hd=&size=1&l=e>.

3.2. Асад как партнер в борьбе с ИГИЛ

В конечном итоге, в администрации США и правительствах ключевых стран Западной Европы пришли к выводу, что режим Асада вряд ли может рассматриваться как безусловный партнер в борьбе с ИГИЛ. Хотя в последние несколько месяцев нового 2015 года эта позиция стала постепенно меняться в пользу действующего в Сирии режима. На самом деле Асад был не в состоянии предложить требующуюся Западу помощь в борьбе с ИГИЛ. Правительственные войска испытывали острую нехватку личного состава, вооружений, а главное – не пользовались поддержкой большинства местного населения. К тому же асадовская армия, лишенная каких-либо «точек опоры» в районах, попавших под контроль ИГИЛ, полностью утратила там свои позиции.

Начиная с июля 2014 года Асад постоянно сдавал ИГИЛ свои позиции. Захват весной 2014 года ИГИЛ базы ВВС в Табке – стратегическом районе в провинции Ракка – явился ярким свидетельством возможностей Асада в борьбе с ИГИЛ. Характерно, что в отличие от других районов, где в ходе боев с ИГИЛ войска режима, как правило, достаточно быстро отходили, в боях за авиабазу в Табке они проявили прежде невиданное упорство, уничтожив, по некоторым данным, около 150 бойцов ИГИЛ. Однако, как свидетельствовал ряд экспертов по тактике ИГИЛ, бой за Табку шел по сценарию самого ИГИЛ. В ходе сражения бойцы ИГИЛ совершили около 100 атак смертников, заранее, таким образом, спланировав потери, и, в конечном итоге, взяли этот стратегически важный объект. После захвата Табки впервые целая провинция Ар-Ракка оказалась под полным контролем ИГИЛ. Таким образом, ИГИЛ получил стратегическое преимущество, открыв себе путь в северные районы Сирии, в том числе в стратегически важный район Идлиба, который на тот период удерживался представителями «умеренной» исламской вооруженной оппозиции⁴⁸.

К тому же падение базы в Табке нанесло тяжелый удар по морально-психологическому состоянию личного состава войск Асада и его сторонников. Табка являлась важнейшим

⁴⁸ FP, 09.03.2014; <http://goo.gl/OfYqmy>.

опорным пунктом режима (из 28 баз), а публичная казнь нескольких сотен захваченных в плен солдат побудила многих сторонников Асада поставить вопрос об эффективности нынешнего военного руководства Сирии, его слабости и необходимости замены. Показательно, что после сдачи Табки сильно изменилась риторика безусловных сторонников Асада из его близкого окружения. Около десятка человек из их числа (в основном алавиты) были арестованы местными спецслужбами. Так, двоюродный брат президента Башара Асада Дурейд Асад даже потребовал смены министра обороны, начальника генштаба и командующего ВВС. Таким образом, даже среди асадовского окружения росло понимание того, что режиму в одиночку не справиться с угрозой ИГИЛ. Однако это вряд ли могло заставить сирийского президента и его ближайшее окружение кардинально (а главное, быстро) пересмотреть свое отношение к отрядам вооруженной сирийской оппозиции⁴⁹.

Дело в том, что, по оценке большинства серьезных экспертов по Сирии, ИГИЛ и режим Асада имели практически одинаковые взгляды по отношению к вооруженной и политической сирийской оппозиции. И те, и другие не рассматривали оппозицию как партнеров в общем политическом проекте, а скорее как своих противников, мешавших достижению их целей и поэтому подлежащих уничтожению.

Если сирийскому режиму и удавалось выживать за счет того, что он «подпитывался» войной, тот же фактор помогал выживать и ИГИЛ. Действительно, на пользу режиму шли те его особенности, которые в течение более чем 4 лет позволяли ему оставаться на плаву: использование профессиональных противоречий, манипуляция культом власти и силы, эксплуатация внедренного им самим в общество чувства взаимного недоверия, которое руководство страны постоянно оживляло. Те же самые факторы использовало ИГИЛ для укрепления своих позиций.

Как метко выразился в свое время Фредерик Хофф (специальный советник Х. Клинтон по Сирии), проблема состоит не в том, что Асад лучше или хуже «Аль-Каиды» в Сирии. Это две стороны одной и той же монеты в том смысле, что на самом деле Асад не был заинтересован в уничтожении ИГИЛ и позволял организации укрепляться в тех районах, которые он традицион-

⁴⁹ Там же

но воспринимая как маргинализированные и враждебно настроенные к своей власти и не считал нужным их контролировать.

Действительно, стремление ИГИЛ создать собственное государство на отдаленных территориях делало эту организацию неприоритетной целью борьбы для асадовского режима (по крайней мере, до середины августа 2014 года), которому она напрямую не угрожала. Правительственные войска концентрировали силы и вели бои преимущественно по линии Хомс – Халеб (Алеппо) – Дамаск и в других центральных районах Сирии, где сражались с отрядами вооруженной оппозиции, противостоящими ИГИЛ. Пока режим вел борьбу с этими отрядами сирийской вооруженной оппозиции, ИГИЛ спокойно занимало новые территории и осваивало уже занятые. Тот факт, что районы, занятые ИГИЛ, не подвергались столь яростным бомбардировкам со стороны правительственных войск, давал им возможность устанавливать свои порядки в захваченных районах и добиваться своих политических целей и установок. Фактически Асад сосредоточился на борьбе с умеренным суннитским сопротивлением (с сильной светской компонентой), которое одно лишь было способно предоставить адекватную ИГИЛ альтернативу и обеспечить власть в государстве⁵⁰.

С другой стороны, вооруженная сирийская оппозиция⁵¹ находилась в более выгодных условиях и была более приспособлена для борьбы с ИГИЛ. В отличие от войск Асада, которые практически недавно стали сражаться с этой организацией, отряды вооруженной оппозиции уже с лета 2013 года вели против нее активные боевые операции. Несмотря на то, что ИГИЛ удалось выбить повстанцев с удерживаемых ими позиций в Дейр-эз-Зоре и очистить от них район, вооруженные отряды местных племен неожиданно восстали против ИГИЛ и оказали вооруженное сопротивление.

⁵⁰ Hof F. C. Syria: Is the Revolution Finished? *MENASource* (blog) // *Atlantic Council*, 15.05.2014.

<http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/syria-is-the-revolution-finished>.

⁵¹ О вооруженной сирийской оппозиции см.: Кто может противостоять «Исламскому государству» в Сирии? – <http://www.iimes.ru/?p=21907>; Кто воюет в Сирии? – <http://www.iimes.ru/?p=20322>;

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-syrian-islamic-front-anew-extremist-force>; Assassination of Ahrar al-Sham Military Leadership In Syria // <http://www.uruknet.de/?p=m109691&hd=&size=1&l=e>.

К концу 2014 года в Сирии действовали вооруженные формирования различной политической и идеологической направленности и ориентации, начиная от самых умеренных группировок и заканчивая самыми радикальными. К числу умеренных иногда относили такие группы, как «Харакат аль-Хазм», «Джейш аль-Муджахедин», «Сирийский революционный фронт». Они стояли на светско-религиозных позициях крайне умеренного толка и насчитывали несколько сотен бойцов. Действовали они зачастую на узко очерченных территориях; многие воевали под командованием США.

К более радикальным исламистским группировкам различного толка можно было отнести прежде всего «Исламский фронт», куда входили практически все наиболее крупные отряды исламского сопротивления, начиная от радикальных салафитов из «Ахрар аш-Шам» и заканчивая более умеренными «Лива ат-Таухид» и «Сукур аш-Шам». Отдельно в перечисленном ряду стояли «Джабхат ан-нусра», лидер которой Мухаммед аль-Джулани дал личную клятву верности главе «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири. Однако в идеологическом плане эта организация в отличие от ИГИЛ не вынашивала глобальных планов и была «заточена» больше на борьбу с асадовским режимом. К тому же ее идеологические установки постепенно трансформировались, приобретая все больше общенациональных элементов, чтобы инкорпорироваться в сирийское общество, так как подавляющая часть ее бойцов состояла из сирийцев⁵².

Таким образом, несмотря на некоторую неорганизованность, отряды вооруженной сирийской оппозиции и местные общины в районах, захваченных ИГИЛ, имели больше шансов победить эту организацию, которую они рассматривали как своего главного врага.

Даже среди ярых сторонников военного удара по ИГИЛ росло понимание того, что долговременный успех подобной операции мог быть обеспечен в случае достижения предварительных политических соглашений о судьбах правящего режима и сирийского государства со всеми заинтересованными сторонами сирийского конфликта. В противном случае нельзя было исключать повторение ливийского сценария со всеми вытекающими последствиями, возможно, и в иракском варианте.

⁵² Itani F. Ук.соч.

Так, по данным ряда сирийских оппозиционных и арабских дипломатических источников, в 2014 году бывший глава Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (НКОРС) М. аль-Хатыб совершил визит в Иран для того, чтобы сблизить позиции Тегерана с суннитской сирийской оппозицией. Иранская сторона предложила план переходного периода, рассчитанный на два года. Согласно плану, Башар Асад в течение 2 лет остается во главе государства, после чего проводятся парламентские и муниципальные выборы, а Асад делегирует часть своих властных полномочий новому премьер-министру. При этом силы режима и оппозиции в течение означенного периода продолжают удерживать контроль над принадлежащими им районами Сирии. Однако сам М. аль-Хатыб отрицал факт своего визита в Иран и то, что иранцы выходили на него с какими-либо предложениями по Сирии.

Одновременно заместитель министра иностранных дел ИРИ Хоссейн Амир Абдолахиян 26 августа 2014 года посетил с визитом КСА, где обсудил с саудовским руководством угрозу ИГИЛ. Вряд ли иранский план можно было признать реалистичным. Однако тот факт, что Иран мог вообще предложить подобный план (возможно, не без согласования с Москвой), сам по себе косвенно свидетельствовал, что Иран отдавал себе отчет, что Асад самостоятельно не может обеспечить борьбу с ИГИЛ даже на подконтрольных ему территориях, не говоря уже об освобожденных районах⁵³.

С другой стороны, многие арабские страны также склонялись в пользу борьбы с ИГИЛ, возлагая, правда, надежды на то, что Вашингтон сможет возглавить эту борьбу и довести ее до успешного конца. Проходившая 24 августа 2014 года в Джидде (КСА) встреча министров иностранных дел арабских стран была посвящена решению вопросов, связанных с угрозой ИГИЛ и возможным участием арабских государств в этой борьбе на стороне США. Одним из важных результатов этой встречи стала выдвинутая Египтом инициатива сирийского урегулирования, суть которой сводилась к формальному продлению еще на год правления Башара Асада и проведению необходимых мероприятий в деле укрепления региональной безопасности и борьбы с ИГИЛ. В трактовке бывшего лидера НКОРС Дж. Сабра египетский план предусматривал на деле

⁵³ FP, 09.03.2014; <http://goo.gl/OfYqmy>.

отказ Асада от властных полномочий в пользу преемника, избираемого на переходный период консенсусом. В тоже время арабские страны опасались, что США могут на деле стремиться лишь к ослаблению позиций ИГИЛ, а не к тому, чтобы окончательно покончить с ним⁵⁴.

В любом случае угроза распространения джихадизма в Сирии и Ираке могла быть остановлена только в случае появления там хорошо вооруженной светски ориентированной национальной оппозиции. Оппозиции, которая могла в военном отношении противостоять ИГИЛ, наладить эффективное управление на освобожденных территориях, представлять значительную часть сирийского общества на переговорах с режимом по поиску политического решения конфликта.

Это предполагало, как минимум, налаживание полноценного сотрудничества, в том числе и в военной сфере, с отрядами вооруженной сирийской оппозиции, которые сражались с ИГИЛ и войсками режима на севере и северо-востоке Сирии, а также ускоренной подготовки в южных районах страны (Дераа) «новой» сирийской армии. В нее могли бы вернуться десятки тысяч дезертировавших сирийских военных и влиться наиболее умеренные отряды вооруженной оппозиции.

Скорейшее прекращение в Сирии кровопролитного конфликта и налаживание процесса дальнейших политических изменений в этой арабской стране и регионе в целом во многом зависят от того, насколько успешными окажутся попытки региональных и международных игроков в деле сплочения сил в борьбе с ИГИЛ, а также и политического давления на режим с тем, чтобы заставить его начать договариваться на равноправной основе о формировании переходной власти в стране.

⁵⁴ Ibid.

Глава 4

Салафиты в условиях вооруженной конфронтации в Сирии

Одной из быстро растущих сил сирийского восстания являлись представители салафитского толка ислама. В условиях ведущейся в Сирии войны большинство в салафитском движении было представлено теми, кто был вовлечен в салафизм в особых революционных условиях. В основном это были принявшие еще до революции салафитское вероучение выходцы из провинций, бывшие заключенные тюрьмы Сейднайи, а также попавшие под влияние салафитского вероучения простые сирийцы, взявшиеся за оружие в условиях жестокого подавления режимом мирных демонстраций протеста.

С учетом этого в сегодняшнем салафитском движении Сирии возобладало джихадистское направление, а представители «умеренного», «реформаторского» и «политического» салафизма оказались в меньшинстве, по крайней мере, внутри страны.

Ряд исследователей и экспертов объясняет такое быстрое распространение салафитского учения в Сирии природой сирийской революции. Как известно, революционное движение брало истоки в сельской глубинке. Именно туда в условиях асадовского режима были вытеснены салафиты. Быстрое распространение восстания в города облегчало салафитам возвращение в столичные центры. Кроме того, салафитское учение пользовалось определенной популярностью среди небольшой части протестного населения, так как давало ответы на многие вопросы, послужившие причинами начала революционного восстания в стране.⁵⁵

⁵⁵ Mohammed Jamal Barot. *Al-Iqd al-Akhir fi Tarikh Soria: Jadaliyat al-Jumud wal Islah // The Last Decade in Syria's History*. Beirut: The Arab Center for Research and Policy Studies, 2012, p. 293; Salameh Kaileh. *Al-Thawarah al-Musalaha: waqi'uha, Sairoratuha wa Afaquha "The Armed Revolution: Its Reality, Process, and Prospects"*. Beirut: Atlas Publishing House, 2013, p. 13–19.

4.1. Салафиты до начала революционных событий в САР

Существует значительная разница между сирийским салафизмом, зародившимся в крупных городах в начале XX века и впоследствии «обросшим» разнообразными салафитскими школами, и той формой салафизма, которая возникла на волне сирийской революции.

4.1.1. Краткая история салафитского движения и особенности его развития в Сирии

Своими корнями салафитское движение в Сирии уходит в начало XX столетия и связано с просветительской деятельностью и школами исламских реформаторов. Это такие хорошо известные в Сирии деятели, как Джамаль аль-Касими (1860–1914 гг.) и Мухаммед Рашид Рида (1865–1935 гг.). В свое время оба уехали из Ливана в Египет, а позднее перебрались в Сирию. Они возглавляли Сирийский национальный совет во времена правления короля Фейсала I. При этом М. Рида был основателем первой школы реформаторов в Сирии. Позднее были созданы первые салафитские школы и ассоциации, которые восприняли идеи арабских реформаторов.

Наибольшее значение в это время играло общество под названием «Аль-Джамият аль-Гарра» (Лучезарная Ассамблея), которое было основано шейхом Абдул Гани ад-Даккером в 1924 году. Общество играло активную роль в общественно-политической жизни и способствовало избранию в парламент в 1943 году одного из своих лидеров Абдул Хамида ат-Табаа. Оно было открыто влиянию культуры Запада и занималось общественно-политической деятельностью. Общество было доступно для всех слоев сирийского населения. Сильное влияние на его деятельность оказала реформаторская школа М.Р. Риды.⁵⁶

Другим известным салафитским обществом было «Джамият ат-Тамаддун аль-Исламий» (Общество исламской цивилизации),

⁵⁶ Abdurrahman al-Haj. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad (Salafism and Salafists in Syria: From Reform to Jihad) // Al-Jazeera Net, 20.05.2013, p. 11–12.

которое было основано в 30-х годах XX столетия Ахмедом Мазхером аль-Азме. Позднее он занял министерский пост в сирийском правительстве. Одним из известных членов этого общества был Бахджет аль-Бейтар. Общество было достаточно тесно связано с «Братьями-мусульманами». В 1946 году оно стало выпускать свой журнал «Ат-Тамадун», который считался самой передовой ареной пропаганды реформистских идей во всем Леванте. Одним из активных членов этого общества был бывший глава НКОРС Муаз аль-Хатыб, близкий по своим взглядам к реформистскому толку салафизма.⁵⁷

М. аль-Хатыб активно работал над распространением идей салафизма реформистского толка через свой сайт (darbuna.net) и читал проповеди в Омеядской мечети до того, как сирийские власти запретили ему вести религиозную деятельность. По мнению ряда экспертов, он был близок к организации «братьев» в Дамаске, особенно к тем, кто придерживался умеренных салафитских взглядов, типа Иссама аль-Аттара.

В 60-х годах XX века салафиты в Сирии в основном занимались своей традиционной просветительской и пропагандистской работой и не принимали активного участия в общественной и политической жизни. Во главе салафитского движения в то время стоял Мухаммед Насер ад-Дин аль-Албани. В начале своей деятельности он был близок к «Братьям-мусульманам», которые поддерживали связи с салафитами в Дамаске, куда входили Иссам аль-Аттар и Зухейр аш-Шавиш. Он часто общался с последователями суфийского учения, некоторые из которых также входили в организацию «братьев». После мартовской революции 1963 года в Сирии и прихода к власти в стране партии «Баас» его активная пропагандистская деятельность привлекла внимание новых властей. И М. Н. аль-Албани был арестован по обвинению в пропаганде ваххабизма.

Несмотря на это, в 70-е годы XX века его учение и проповеди получили широкое распространение в Сирии. «Исламское Бюро», основанное Зухейром аш-Шавишем стало публиковать книги написанные М. Н. аль-Албани. Однако в результате ужесточения режима безопасности в Сирии, возникшего конфликта с «Братьями-мусульманами», с одной стороны, и баасистами, с другой, М. Н. аль-Албани был вынужден эмигрировать в КСА. Любопытно, что его отъезд из Сирии совпал с периодом, когда М. Н. аль-Албани приступил к формулированию своей особой теории

⁵⁷ Mouath Al-Khatib, <http://carnegie-mec.org/publications/?fa=50091>

«Исламского салафитского действия», которая основывалась на принципах очищения и просвещения. В КСА он прекратил заниматься политикой и сконцентрировался на проповеднической деятельности и исламской юриспруденции. В начале 1980-х гг. М. Н. аль-Альбани обосновался в Иордании, где и умер в 1999 году.

По иронии судьбы мирные интеллектуальные идеи М. Н. аль-Альбани не получили широкого распространения в Сирии. Один из его последователей и учеников Мухаммед Ид Аббаси был арестован в Сирии и посажен в тюрьму на 20 лет. Освободился он лишь в конце 1990-х годов и также уехал в КСА.⁵⁸ Таким образом, на протяжении последних 30 лет начиная с 1980-х годов, салафитское учение в Сирии было сознательно маргинализировано властями, загнано в провинцию и испытывало острый дефицит в ярких и харизматических лидерах.⁵⁹

До революции деятельность салафитов носила неорганизованный характер, сильно ограничивалась режимом, а их проповедники подвергались гонениям и арестам. Благодаря бракам с представительницами суфийского толка ислама салафитам удавалось сохранять свои позиции в тех или иных общественных и государственных организациях. Однако ареал их деятельности был ограничен преимущественно сельской местностью и отдаленными пригородами. К тому же подобные браки по расчету лишь усиливали негативное отношение к ним со стороны режима, который не хотел портить отношения с представляемым суфиями государственным исламом, помогавшим правящей алавитской верхушке легитимизировать свою власть в Сирии в глазах мусульманской уммы.⁶⁰

В то же время движение процветало и успешно развивалось за рубежами Сирии.

4.1.2. Сирийские салафиты за границей

Именно там появился и полноценно раскрыл свой творческий и политический потенциал целый ряд хорошо известных сирийских шейхов, таких как: аль-Альбани, Срур, Мухаммед аль-Мунджид, Мухаммад аль-Абдат, Аднан Арур, Мухаммед Ид аль-Аббаси,

⁵⁸ Mohammad Abu Rumman. Al-Salafiyah fi al-Mashreq al-Arabi // Encyclopedia on Islamic movements in the Arab World. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies, 2013, p. 1158–1161.

⁵⁹ Там же, с. 47–55.

⁶⁰ Там же, с. 1167.

Мухаммед Лутфи ас-Саббаг, Ахмед Салам, наряду с другими лидерами салафитов, близкими к джихадистскому толку, типа Абу Бусейра (Абдулмонейм Халима).⁶¹

По мере того как вооруженное исламистское движение в Сирии укреплялось не без помощи, оказываемой из-за рубежа, салафиты стали играть все более заметную роль в нем. Ряд салафитских шейхов, среди которых был Аднан Арур, стали достаточно регулярно выступать на принадлежавшем салафитам телеканале «Сафа ТВ» и активно заполнять возникший в условиях сирийского кризиса политический и идеологический вакуум.⁶²

Одним из видных представителей «зарубежных» салафитов, с именем которого связывают создание целого направления в салафитском вероучении – «политического салафизма» был Мухаммед Срур. В 1960-х годах он был активным членом организации «Братья-мусульмане» и испытал на себе большое влияние идей Саида Кутба. Позднее М. Сруром все больше овладевали идеи салафизма. Более отчетливую форму его идеи стали принимать после того, как он переехал жить в КСА в 1965 году. Он жил там в течение нескольких лет, пока саудовские власти не вынудили его уехать из страны. Затем он отправился в Лондон, где основал журнал «Ас-Сунна» совместно с рядом своих друзей и коллег. На страницах этого журнала открыто пропагандировались идеи «политического салафизма» – учения, в рамках которого М. Срур пытался соединить основные параметры традиционного салафизма, одновременно отвергая его положения о невмешательстве в политическую борьбу. Среди других салафитских движений «политический салафизм» был наиболее близок к реформистскому толку сирийского салафизма. Представители «политического салафизма» призывали к активной политической деятельности, поддерживали ряд демократических институтов государства, но были достаточно консервативны в вопросах, касающихся западных либеральных ценностей и культур.

Так, в Лондоне в 2005 году появилось движение «Справедливость и развитие». Оно было создано членами группировок «политического салафизма» и теми, кто вышел из «Братьев-мусульман». Идеологи этой организации стремились представить ее как продвинутую версию салафизма. Одной из ведущих фигур данной организации был Анас аль-Абда – сын шейха Мухаммада

⁶¹ Там же, с. 1167.

⁶² Там же, с. 1167–1169.

аль-Абда, близкого к идеям политического салафизма и являвшегося другом М. Срура. Несмотря на свою активную деятельность за рубежом эта организация была слабо представлена в Сирии.⁶³

Сам М. Срур заявлял, что стремится превратить сирийский салафизм в салафизм реформистского толка. В то же время, находясь под влиянием идей Саида Кутба, М. Срур уделял много внимания политической борьбе против арабских режимов. Сначала он отвергал демократический процесс, но позднее принял его как средство ненасильственной смены власти.

Парадоксально, что несмотря на свою известность в арабских монархиях Персидского залива и в Леванте как основателя собственной идейной школы и его влияние на многие поколения исламистов, учение М. Срура в Сирии накануне революции было малоизвестным в результате жесткого контрразведывательного режима и сложной политической ситуации в стране.⁶⁴

Несмотря на разницу в подходах сирийских салафитов к оценке арабских революций, прежде всего сирийской, их всех объединяло чувство вражды к режиму Асада в Сирии. Поэтому они поддерживали всеми доступными средствами сирийскую революцию. Все они считали, что режим Асада в Сирии нелегитимен и характеризовали его как сектантский и антирелигиозный. Обосновавшиеся за границей салафиты наладили регулярную поддержку сирийской революции в политическом, финансовом и пропагандистском плане.

Их поддержка и активные действия способствовали распространению салафитских идей внутри Сирии. Неудивительно, что ряд вооруженных отрядов и несколько благотворительных фондов оказались под влиянием салафитской идеологии.

4.2. Салафиты в условиях вооруженного восстания в Сирии

После того, как сирийское восстание стало приобретать с конца 2011 года характер вооруженной борьбы, позиции салафитов в Сирии постепенно окрепли. Салафиты составили костяк многих отрядов вооруженной исламской оппозиции, часть из которых оказалась в той или иной мере подвержена джихадистской идеологии.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же; Beirut: The Centre for Arab Unity Studies, p. 1161–1163.

4.2.1. Предпосылки возрождения джихадистского салафизма в Сирии

На самом деле причины, приведшие к возрождению джихадистского салафизма в Сирии, стали постепенно созреть еще в 90-е годы XX столетия, и обострение вооруженной борьбы лишь способствовало его бурному выходу на поверхность. Так, принятая режимом в середине 2000-х годов политика приватизации привела к острой социальной поляризации общества, обнищанию и маргинализации значительных масс населения в сельских местностях. Одновременно политика режима поддержки исламского сопротивления в Палестине и Ливане усиливала консервативные религиозные настроения в депрессивных районах сирийской глубинки. В результате это привело к тому, что население этих местностей оказалось наиболее восприимчивым для самых радикальных идей. В то же время снизилась роль умеренного ислама в сирийском обществе, что усилило экстремистские аспекты в восприятии населением государственной политики и идеологии. Сложившаяся ситуация оказалась наиболее благоприятной для роста идей джихадистского салафизма, а последующие действия властей после начала сирийского восстания только укрепили его позиции. Подобные настроения в обществе послужили прекрасной матрицей для распространения джихадистских идей как местного происхождения, так и пришедших из-за рубежа.

Например, в Хауране (Дераа с провинциями) незадолго до начала революционных событий в стране появилось новое движение под названием «Аль-Муминун Юшарикун» (Участники веры), во главе которого стоял Лоай аз-Зобу. Свое движение, Л. аз-Зобу открыто называл движением «политического салафизма». Сам Л. аз-Зобу сражался в 1980-х годах в Афганистане, в 1990-х годах в Боснии и несколько раз арестовывался в Сирии. С началом революции «Участники веры» принимали неоднократное участие в акциях мирного протеста, в коллективных молитвах и проповеднической деятельности. В ноябре 2011 года участники этого движения заявили, что вынуждены взяться за оружие, чтобы противостоять жестокости властей в отношении мирных демонстрантов.⁶⁵ Однако в дальнейшем это движение не было замечено в каких-либо крупных вооруженных акциях против правительственных сил.

⁶⁵ http://www.youtube.com/watch?v=Z_b2xeQ5pGY.net/index.php?d=34&id=37350

4.2.2. Краткая характеристика вооруженных салафитских группировок

Вооруженные отряды салафитов можно подразделить на несколько групп в зависимости от ряда следующих признаков.

Это, во-первых, уровень их связей с «Аль-Каидой», ее отрядами, степень восприятия методов ее деятельности. Во-вторых, национальный состав их бойцов (сирийцы – иностранцы). В-третьих, численность участников по степени их приверженности салафитскому вероучению и его различным направлениям от умеренного, реформистского, «политического» до джихадистского. В-четвертых, место, роль этих отрядов в вооруженном сопротивлении. В-пятых, уровень их влияния на изменение баланса сил и характер отношений с местным населением. В-шестых, особенности связей с ССА, другими отрядами вооруженного сопротивления, внутренней и зарубежной политической оппозицией, иностранными государствами.

К наиболее явным джихадистским группировкам можно было отнести отряды, непосредственно связанные с «Аль-Каидой», типа «Джабхат ан-нусра», батальона «Аль-Мухаджирин».

В другую группу «воинствующих» салафитов из так называемого объединения «Отложенного халифата» входили наряду с представителями джихадистского направления сторонники «политического салафизма». Она имела достаточно тесные связи с Исламским фронтом Сирии (ИФС) и входящими в него отрядами «Ахрар аш-Шам», «Ахрар аш-Шам аль-Исламийя» и «Аль-Фаджр аль-Исламийя».

Еще одна группа была представлена так называемыми традиционными салафитскими джихадистами, типа отрядов «Ливаа аль-Ислам».

Существовали и различные группировки вооруженных исламистов, тесно связанные с салафитской ориентацией, как, например, батальон «Ат-Таухид ва-ль-Фарук» и «Исламский Фарук»⁶⁶.

ИФС являлся наиболее значимой, активно действующей организацией, хорошо представленной в различных сирийских провинциях. ИФС был основан в июле 2012 года и состоял из 11 наиболее крупных отрядов. Заметную роль среди них играли движение «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фаджр аль-Исламийя»,

⁶⁶ Abdurrahman Al-Haj. *Op. cit.*, p. 9–12.

«Ливаа аль-Хак», батальон «Хамза бин Абдул Муталиб», «Джамаат ат-Талиа аль-Исламия», батальон «Мусааб бин Умайя»⁶⁷.

В своем уставе ИФС провозгласил, что стремится к свержению действующего в Сирии режима и установлению в стране «цивилизованного исламского общества», которое будет следовать суннитскому направлению ислама «набожных предшественников».

ИФС представлял собой сирийскую версию салафизма джихадистского толка. Он отличался от «Аль-Каиды» тем, что большинство членов его отрядов были сирийцы.

Одним из видных лидеров ИФС был Хассан Абуд (Абу Абдаллах), который состоял в движении «Ахрар аш-Шам». Фронт также пользовался поддержкой Абу Бусейра ат-Тартуси – одного из наиболее заметных бывших шейхов глобального джихадистского салафизма, который представлял «Ливаа аль-Фаджр».⁶⁸

Среди наиболее крупных отрядов ИФС можно выделить «Ахрар аш-Шам», который действовал в районах Халеба (Аллеппо), Идлиба и на севере Сирии, в частности. Кроме того, в Исламский фронт Сирии входили «Ливаа аль-Хак», действовавший в Хомсе под командованием Абу Ратиба, движение «Аль-Фаджр аль-Исламия» в Идлибе и сельских районах Хамы, «Джамаат ат-Талиа аль-Исламия», батальон «Хамза бин Абдул Муталиб», «Роты специального назначения» в Дамаске⁶⁹.

ИФС сотрудничал с другими отрядами вооруженной сирийской оппозиции, но не подчинялся ССА. Подобно «Джабхат ан-Нусра» и «Ливаа ат-Таухид» он создавал «исламские комитеты» для разрешения конфликтных ситуаций, главным образом в сфере нарушения прав человека на освобожденных территориях. Он пользовался заметным влиянием в районах Ракка, Идлиба и Халеба (Алеппо) и их сельских пригородах.

Другой группой являлся Исламский фронт за освобождение Сирии (ИФОС). Основу его идеологии составляла общая исламская идентичность, где соединялись идеи салафизма,

⁶⁷ Aaron Y. Zelin. The Syrian Islamic Front: A New Extremist Force // Policy Watch 2031. 4 February 2013, <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-syrian-islamic-front-anew-extremist-force>.

⁶⁸ <https://docs.google.com/document/d/1fACS9tltmZDmomlB1ZtiJLZaAckWOT0yhtRwoskIE/edit?pli=1>; <http://www.arabi-press.com/?page=article&id=60968>

⁶⁹ www.ahraralsham.com; www.facebook.com/ifajr

«Братьев-мусульман», а также различных исламских школ либерального направления, несмотря на то, что его заявления и действия несколько отличались от салафитской доктрины ислама. В своих выступлениях ИФОС стремился отойти от чисто салафитского дискурса и делал больший упор на общенациональные и традиционные ценности сирийского общества. Многие отряды ИФОС действовали под знаменем ССА. Фронт возглавлял Ахмед Исса, который одновременно командовал «Сукур аль-Шам», а Мухаммед Аллюш координировал боевые операции⁷⁰.

Наиболее крупными отрядами ИФОС являлись «Ливаа ат-Таухид», действовавший в Халебе (Алеппо) под командованием Абдальгадира Салиха, который являлся одним из членов военного совета ИФОС, «Катаиб аль-Фарук» во главе с Осма аль-Джунди, действовавший в основном в районах Хомса, «Аль-Фарук аль-Исламийя» во главе с Амжадом Бейтаром, находившийся в провинции Хама. Отряд «Сукур аль-Шам» во главе с Ахмедом Исса был особенно активен в районе Идлиба, а также в значительной части районов Хамы. Отряд «Ливаа аль-Ислам», являвшийся частью группы, отколовшейся от «Ансар аль-Ислам», действовал в провинции Дамаск.⁷¹

Одним из наиболее видных лидеров ИФОС являлся Захран Аллюш, выпускник Исламского университета в Медине. Он был приверженцем салафизма и арестовывался в Сирии за свою проповедническую деятельность и политическую активность. Среди других отрядов в составе Фронта можно было отметить батальон «Амро бин аль-Асс», действовавший в Халебе (Алеппо) и его пригородах. Официальным представителем Фронта являлся Далиа Шамс. В состав Фронта входил также отряд «Сукур аль-Курд», действовавший в Камышлы и Революционный совет Дейр эз-Зора⁷².

Для работы в гражданской сфере по мобилизации местного населения на освобожденных территориях была создана и действовала организация под названием «Исламский комитет аш-Шам», куда входил ряд видных салафитских деятелей.

⁷⁰ <http://syrialiberationfront.com>

⁷¹ <http://lewaaltawheed.com/>; <http://www.al-farok.com/>;
<https://www.facebook.com/ALFAROQISLAMIC>

⁷² <http://syrialiberationfront.net>

В этом комитете доминировала группа Срура («политический салафизм»). Она вела большую работу в деле оказания гуманитарной помощи населению, в образовательной сфере и занималась спасательной деятельностью. Оказывала медицинскую и образовательную помощь местному населению и помогала пережить ему тяготы военного времени. Комитет издавал журнал «Нур аш-Шам».

В своих уставных документах комитет утверждал, что стремится к «установлению Божьей религии на земле» и укреплению исламской идентичности Сирии. Комитет имел также свое видение по вопросам гражданства, взаимоотношениям разных конфессий и своей роли в социальном развитии страны. С конца 2013 года Комитет стал вести подготовку к созданию собственной политической партии, которая отражала бы его религиозные и идеологические взгляды.

В ноябре 2011 года возник Фронт исправления и развития (ФИР), который следовал в русле традиционной салафитской идеологии. Он был создан в восточных районах Дейр эз-Зора, где традиционно проживали племена и имел филиалы по всей Сирии. В его состав входили 139 батальонов. В то же время наиболее крупные войсковые соединения ФИР действовали и в северных районах Сирии. ФИР возглавлял Абдугадир Дефис, его замом был Халид Хаммад. Одним из руководителей ФИР был Абдельазиз Манаф Тлас, который прежде возглавлял «Катаиб Фарук». Полагали, что командование «Катаиб Фарук» сочло Абдельазиза Манафа Тласа несоответствующим командной должности и избавилось от него. ФИР состоял из двух групп: военной и гражданской⁷³.

Гражданское крыло Фронта было в основном представлено обществом «Ахл аль-Аср». А военное крыло сохранило название ФИР. Оно провозгласило, что его основной задачей является свержение режима и объединение под своими знаменами различных отрядов оппозиции. Фронт также гарантировал соблюдение равенства прав всех граждан и социальную справедливость. Фронт полагал, что затянувшаяся победа революции в Сирии связана прежде всего с фрагментацией вооруженных отрядов оппозиции, отсутствием единства среди них и деятельностью ряда представителей политической оппозиции.

⁷³ www.asala-tanmia.com; www.al-farok.com/archives/1264

Сирию без Асада ФИР представлял как гражданское государство, основанное на принципах справедливости, толерантности, мирном сосуществовании всех социальных групп населения. Несмотря на то, что ФИР не акцентировался на вопросах демократии, он в то же время заявлял о своей приверженности некоторым демократическим принципам, чтобы принять участие в строительстве будущей Сирии.

Создание ФИР вызывало много вопросов. Ряд экспертов полагал, что ФИР пользуется массовой зарубежной финансовой и иной помощью, так как имеет возможность привлекать на службу опытных бойцов и проводить активные военные действия, располагая необходимым оружием и логистической поддержкой.

Более того, ряд экспертов считал, что ФИР является прототипом иракских «сахва», – отрядов, образованных в 2007 году во время американской оккупации Ирака и сражавшихся против «Аль-Каиды». Действительно, наряду с борьбой с сирийским режимом и иранским влиянием в Сирии ФИР имел задачу противодействия «Аль-Каиде».

ФИР пользовался поддержкой ряда влиятельных шейхов, салафитских организаций в Иордании и КСА и прямой поддержкой руководства этих двух государств. Один из руководителей салафитского движения в Иордании Али аль-Халаби полагал, что ФИР по многим параметрам близок к традиционному салафизму наподобие «Ливаа аль-Ислам» во главе с Захраном Аллюшем. Он также утверждал, что ФИР пользовался поддержкой арабского салафитского движения и не получал помощи из других источников.

Действительно, в состав ФИР принимались только сирийцы, и там не было иностранцев и арабов из других стран, как в других отрядах вооруженной сирийской оппозиции. Фронт располагал значительным потенциалом силы, который определялся его опорой на поддержку племен восточных районов Сирии и значительными ресурсами, которые позволяли ему привлекать новых бойцов и заручаться лояльностью других отрядов. Стремление ФИР объединить под своими знаменами другие не менее сильные отряды вооруженной оппозиции наталкивалось на серьезные разногласия с ними, особенно ССА, «Ахрар аш-Шам», «Ливаа ат-Таухид». В то же время достаточно сложно было оценить деятельность ФИР в сравнении с «Аль-Каидой», другими отрядами джихадистов, тем более с «сахва» в Ираке.

4.2.3. Некоторые перспективы движения салафитов в Сирии в контексте их идеологических концепций, политических установок и практической деятельности

Если проанализировать идеологическую платформу и национальную программу современного салафитского движения с точки зрения силы его воздействия на население и роли в обществе, то ясно, что та часть ИФС, куда входили «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фаджр аль-Исламийя», «Ат-Талиаа аль-Мукатиля», «Ливаа аль-Хак» и другие отряды, имела исключительно сирийскую, местную повестку. В то же время другие отряды в составе ИФС, такие как «Катаиб аль-Фарук», «Аль-Фарук аль-Исламийя», «Сукур аш-Шам», «Ливаа аль-Ислам», решали несколько иные задачи.

На уровне гражданского общества такие организации, как благотворительное общество «Аш-Шам», разделяющее идеи «политического салафизма», другие гражданские организации салафитов, осуществляющие операции гуманитарного характера, занятые проповеднической деятельностью, работой в сфере образования, имели достаточно широкую базу общественной поддержки. Вместе с другими исламскими отрядами они участвовали в управлении освобожденными территориями.

Например, такие отряды, как «Ахрар аш-Шам», «Ливаа ат-Таухид», «Сукур аш-Шам», участвовали в делах гражданской администрации и управления. Они пытались преодолеть армейский стиль во взаимодействии с местной администрацией, чтобы наладить сеть контактов среди гражданской администрации и населения. В то же время военная составляющая оставалась приоритетной в деятельности подобных организаций.

Все эти группировки в принципе были согласны с применением исламских законов во время и после революции. Некоторые из них поддерживали создание и работу шариатских комиссий. Они также поддерживали так называемые «комитеты по утверждению истины и искоренению зла» (наподобие саудовской религиозной полиции – Аль-Мутаваа). Данное обстоятельство ставило вопрос о том, действительно ли эти отряды верят в индивидуальные свободы и права человека, законы, гарантирующие их соблюдение.

На политическом и идеологическом уровне большинство этих групп поддерживало идеи исламского государства в каче-

стве будущего политического режима власти в Сирии. Этот политический режим, в их представлении, должен был основываться на исламских законах шариата как единственном источнике законодательства. Подобная позиция была озвучена в ряде публичных заявлений некоторых лидеров разных отрядов, таких как «Ливаа ат-Таухид», «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фарук аль-Исламийя», «Сукур аш-Шам».

В то же время некоторые отряды («Ливаа ат-Таухид», «Катаиб аль-Фарук», «Сукур аш-Шам») избегали публичной поддержки демократической системы. При этом они старались не критиковать открыто идеи плюрализма, парламентаризма и механизмы демократического управления. В данном случае их позиция была весьма схожа с позицией египетской партии «Ан-Нур» салафитского толка, которая в принципе поддерживала демократический процесс, но отвергала демократические ценности, настаивая на главенствующей роли ислама и шариата как основы законодательства и права.

Интерпретация этими группами внедрения в практику и повседневную жизнь норм мусульманского права вызывала неприязнь большинства населения, особенно те запреты, которые некоторые отряды вводили в отношении одежды женщин и табакокурения, что рассматривалось как нарушение норм ислама и шариата.

Указанные выше факторы могли изменяться в зависимости от тех позиций, которые эти движения и отряды занимали в ходе взаимодействия с отрядами зарубежной сирийской оппозиции, их деятельности в рамках совместных военных советов. Большинство из этих организаций, даже те, которые работали с ССА, испытывали определенное недоверие к институтам сирийской оппозиции, действовавшим за рубежом. Они очень внимательно относились к любым попыткам зарубежной оппозиции навязать им свою точку зрения. Данное обстоятельство затрудняло их взаимодействие с ССА и НКОРС как в военном, так и в политическом плане.

К тому же, несмотря на ужесточение вооруженной борьбы, до сих пор непросто добиться единства среди самих сирийских салафитов. Многие их группы в Сирии разделяют общие исламские идеи салафитской направленности и действуют в интересах салафитов. Кроме того, необходимо иметь в виду, что между членами различных групп постоянно идет обмен мнениями и идеями по вопросам формирования единой салафит-

ской позиции. С другой стороны, классифицировать эти группы в идеологическом плане представляется весьма трудной задачей, так как нередко их идеи противоречат друг другу, быстро меняются одна на другую в зависимости от смены баланса сил и изменения взаимоотношений между различными отрядами вооруженного сопротивления.

Те вызовы, с которыми сегодня сталкиваются различные отряды салафитского движения, во многом связаны с их способностью противодействовать попыткам различных сил внутри Сирии и за ее пределами сдержать рост салафизма и помешать утвердиться ему в новых социальных и культурных реалиях Сирии. В свою очередь перспективы салафитского движения связаны с возможностью населения воспринять идеи салафизма, в том числе в их скорректированном виде применительно к сегодняшним условиям Сирии. Несмотря на то, что сегодняшняя ситуация свидетельствует о бурном росте «провинциального» салафизма, сохраняется возможность возрождения салафитского движения (в модернизированной форме), исторически присущего столичным центрам, прежде всего в Дамаске и Халебе (Алеппо).

В то же время один из видных исследователей салафизма Абдуррахман аль-Хадж полагал, что всплеск салафизма, особенно джихадистского характера, не имеет глубоких корней в Сирии и обусловлен мобилизационными задачами и политической миссией, которые определяются особыми условиями ведущейся в Сирии войны⁷⁴.

На самом деле сегодня достаточно сложно спрогнозировать перспективы салафитского движения в Сирии. Скорее всего, они будут определяться развитием конкретной ситуации на сирийской почве и теми переменами, которые ждут Сирию в недалеком будущем.

В случае продолжения гражданской войны может наблюдаться дальнейший рост и распространение джихадистского салафизма. В случае же смены режима и возвращения к мирной жизни возрастают шансы умеренного, реформистского и политического салафизма, который прежде всего начнет развиваться в сельских местностях, а потом и в крупных городских центрах.

⁷⁴ Abdurrahman al-Haj. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad // Al-Jazeera Net, 20.05.2013, p. 11–12.

Глава 5

Суфийское движение и его роль в сирийском восстании

В отличие от салафитов суфийский толк ислама в течение нескольких последних веков прочно утвердился в Сирии и обрел крепкие позиции в сирийском обществе. Суфизм представлял традиционное направление ислама в Сирии и обладал широкой сетью сторонников в обществе. Суфии успешно распространяли свое учение и религиозные традиции в стране. Они имели своих хорошо известных и признанных шейхов, проповедников в мечетях, религиозные школы и даже собственную исламскую лирику.

В целом суфии неплохо ладили с властью и в какой-то степени представляли официальный политический ислам, тесно связанный с режимом. Даже после прихода к власти партии Баас суфии не утратили своих позиций в обществе. Часть отрядов суфийского движения даже сумела приспособиться к закону о чрезвычайном положении (ЧП) и особенностям баасистского правления. Во многом это достигалось за счет того, что в какой-то период времени они вынужденно отказались от активной политической деятельности, но продолжали вести общественно полезную работу и религиозную пропаганду в народной среде. Действительно, суфии не позиционировали себя в качестве какой-то особой идеологической, конфессиональной или политической группы или партии. Скорее они представляли собой религиозное, доктринальное и интеллектуальное движение. При этом, будучи далеко не однородным движением, суфизм в Сирии был представлен рядом отдельных групп и организаций, которые стояли на различных интеллектуальных и политических позициях. В целом сирийские суфии не представляли собой ни политическую, ни социальную организованную силу, за исключением тех случаев, когда какие-либо группы, близкие к суфийскому движению, начинали заниматься политической деятельностью.

Так, например, в организацию сирийских «Братьев-мусульман» входил ряд представителей суфийского и салафитского толка ислама. Несмотря на свои разногласия в теологических вопросах, они имели общую позицию с «братьями» по ряду идеологических и политических аспектов развития Сирии.

После острого конфликта между режимом и «братьями» в результате событий 1980-х годов в Сирии ощущался определенный идеологический вакуум, оставленный после ухода многих шейхов из числа «братьев». Суфийское движение и прежде всего его представители, тесно связанные с режимом, не могли не воспользоваться данным обстоятельством. Появившаяся новая религиозная элита была во многом связана с властями и обслуживала интересы религиозных институтов режима. Эта элита помогала легитимации режима перед лицом критики со стороны его религиозных оппонентов.

Среди представителей этого религиозного истеблишмента были Ахмед Кефтару, его школа и последователи, и Мухаммед Саид Рамадан аль-Бути. К ним можно было также отнести действующего муфтия Сирии Ахмеда Хассуна и ряд таких религиозных деятелей, как Махмуд Окам муфтий Халеба (Алеппо).

В то же время еще задолго до начала революционных событий в Сирии в суфийском движении было отмечено появление нескольких групп, представители которых исповедовали иные идеологические воззрения, отличные от официального суфийского толка. Они достаточно активно действовали в публичной сфере и стремились принимать деятельное участие в тех политических преобразованиях, которые происходили в стране. Среди них особо выделялись такие группы, как «Аз-Заид» и общество «Аль-Кубейсат», которые, тем не менее, нельзя было охарактеризовать как политические партии или организации.

Эти группы имели собственные взгляды на сирийское восстание и иначе относились к начавшимся 15 марта 2011 года событиям в Сирии. Ряд из них полностью разделял официальную позицию властей. Другие, как, например, общество «Аль-Кубейсат», предпочитали отмалчиваться. А третьи, как «Аз-Заид» поддерживали революцию. В то же время всех их объединял тот факт, что они фактически не участвовали в деятельности вооруженной сирийской оппозиции. Отдельные представители суфийской молодежи – ученики известных улемов-

суфиев принимали участие в вооруженном восстании, но действовали они на индивидуальной основе, а не как официальные представители суфийского движения.

При этом общей характеристикой всех суфийских движений Сирии являлась их укорененность в сирийском гражданском обществе и крепкие позиции на его низовых уровнях. Большинство последователей суфизма проживало в крупных столичных городах типа Дамаска и Халеба (Алеппо). Они имели прочные позиции в местных органах управления и в определенный момент могли быть без труда задействованы в вооруженной борьбе с режимом. Их слабое присутствие на поле боя отчасти объяснялось тем, что вооруженные движения зародились в провинции, в то время как крупные городские центры типа Дамаска и Халеба (Алеппо) вплоть до недавнего времени находились под плотным контролем местных спецслужб.

5.1. «Аль-Кефтариюн» и другие представители религиозного истеблишмента

Шейх Ахмед Кефтару (1915–2004) – курд по национальности, был за последние десятилетия одним из самых видных представителей религиозного истеблишмента Сирии. Он получил очень строгое суфийское образование и принадлежал к одному из известных тарикатов (Накшбандийскому). Свою карьеру А. Кефтару начал в качестве учителя в религиозной школе фетв в Кунейтре. В 1946 году он основал институт «Аль-Ансар» (12-летняя школа), а в 1951 году стал муфтием (шафитского направления) Дамаска. Он создал сеть образовательных, религиозных и благотворительных центров.

В 1971 году А. Кефтару основал религиозный комплекс «Абу Нур». Используя свои хорошие личные отношения с Хафезом Асадом, он расширил этот комплекс и создал на его основе несколько специализированных школ и учебных центров по изучению шариата. В 1974 году он стал муфтием Сирии и еще больше укрепил свои отношения с Х. Асадом. Его школы и учение быстро распространялись по стране, заполняя вакуум, оставленный после разгрома «Братьев-мусульман». В 1990-е годы появились и другие религиозные деятели из числа его последователей. Они также получили строгое суфийское вос-

питание и стояли на прагматичных позициях в отношении правящего режима.⁷⁵ Последние годы жизни А. Кефтару были отмечены растущей фракционностью внутри его группы, особенно среди высшего духовенства. Так, шейх отказался одобрить выдвижение кандидатуры своего зятя Мухаммеда аль-Хабаша на выборах в парламент. Он даже издал по этому поводу специальное установление. Несмотря на это М. аль-Хабаш выиграл выборы и стал депутатом. В своей парламентской деятельности М. аль-Хабаш зарекомендовал себя как явный сторонник режима. В то же время он пытался проводить линию на умеренный, просвещенный ислам. После начала революции он стал постепенно отходить от режима. В начале М. аль-Хабаш пытался идти «посредине дороги», как он сам это называл, избрав для себя третий путь. А потом стал критиковать правящий режим и поддерживать сирийскую революцию. В конечном счете, он вынужден был уехать из Сирии.

Периодически возникавшие разногласия в среде высшего суфийского духовенства порождали немало проблем. Сыновья А. Кефтару Махмуд и Салах были арестованы и обвинены в шпионаже в пользу иностранных государств. Комплекс «Абу Нур» был поставлен под контроль Министерства вакуфов.⁷⁶

Несмотря на то, что новым главой комплекса «Абу Нур» Раджаб Диб поддержал режим в период революции, внутри самой группы были разные настроения. Среди студентов «Абу Нур» появилось несколько групп, поддерживающих революцию, которые стали называть себя «Ахрар муджамаа ан-Нур».⁷⁷

Среди других видных религиозных деятелей, которые сыграли роль в укреплении связей режима с суфизмом, был шейх Рамад аль-Бути. Он был одним из авторитетнейших суфийских деятелей и служил профессором Дамасского университета на факультете религии. Еще с 1980-х годов он поддерживал режим в его борьбе с «братьями». В 1990-е годы Р. аль-Бути стал одним из самых близких к Хафезу Асаду людей и заметным религиозным деятелем.⁷⁸ В начале протестных движений он выступил в мечети Омеядов в Дамаске, осудив действия протестующих. В марте 2013 года он был убит своими противни-

⁷⁵ Abdurrahman al-Haj. Указ. соч., с. 28–29.

⁷⁶ Там же, с. 53–55.

⁷⁷ Al-Bayan News, 24.07.2012, <http://tinyurl.com/ovrntg2>

⁷⁸ Abdurrahman al-Haj. Указ. соч., с. 27–28.

ками во время чтения лекций в мечети Аль-Иман.⁷⁹ Р. аль-Бути был одним из главных религиозных защитников режима Асада и ярким противником салафитов.

Муфтий Халеба (Алеппо) Махмуд Окам также был одним из представителей религиозного истеблишмента режима. Он получил степень бакалавра по философии в Сорбоне. Привнес ряд новшеств в разработку современных трактовок фикха. М. Окам также был на стороне режима и выступал против революции.

После смерти Ахмеда Кефтару муфтием Сирии стал Ахмед Бадреддин Хассун. Он родился в Халебе (Алеппо) в 1949 году и получил докторскую степень в области мусульманского права (фикха). В марте 2012 года сирийский Совет Ифта во главе с Ахмедом Хассуном издал фетву, согласно которой сирийскому режиму давалось право на джихад для защиты Сирии. Его сын Сарайх был убит в перестрелке в октябре 2011 года. В начале 2012 года глава пресс-службы Совета Ифта Абдель Джалил ас-Саид дезертировал и бежал из Сирии.⁸⁰

5.2. Общество «Аз-Заид»

Общество (или джамаат) «Аз-Заид» считается одной из наиболее заметных суфийских групп в Сирии с долгой историей со времени своего основания шейхом Абдулькаримом ар-Рифаи (1901-1973). Группа получила известность благодаря деятельности самого А. ар-Рифаи как проповедника и общественного деятеля. Она имела своих приверженцев в разных мечетях, а также среди учеников и последователей шейха.

Свое название группа получила по имени одного из друзей и сторонников Пророка Заида бин Табита, а также по аналогичному названию мечети, где начал впервые проповедовать А. ар-Рифаи. Группа избегала прямого участия в политической деятельности. Вместо этого она сосредоточилась на образовательной миссии в ходе проповедей и лекций в мечетях. Особый акцент делался на этическом и духовном воспитании.

⁷⁹ http://www.bbc.co.uk/arabic/middleeast/2013/04/130410_syria_al-bouti_video.shtml

⁸⁰ <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=720533&issueno=12523>

Именно в рамках этой группы зародилась идея превращения мечетей в университеты и создание альтернативного исламского общества через призыв к образованию⁸¹.

В 1973 году место умершего шейха занял его сын Осама. Группа продолжала следовать прежней ориентации в своей деятельности. О. ар-Рифаи никогда не проявлял интереса к политике, отказывался от участия в каких-либо политических мероприятиях и от государственных постов. Несмотря на это, начавшаяся в 1970-е годы борьба между сирийским режимом и «Братьями-мусульманами» оказала влияние на ряд членов группы, некоторые из которых оказались вовлечены в вооруженную борьбу против властей. В начале 1980-х годов режим нанес группе сильнейший удар. Большинство ее последователей, особенно те из них, кто состоял в «Боевом авангарде» «братьев», были арестованы и уничтожены. Сам Осама ар-Рифаи был вынужден уехать за пределы Сирии.⁸²

В результате группа в течение 1980–1990-х годов была вынуждена фактически свернуть свою деятельность. Позднее, когда Хафез Асад взял курс на продвижение сына Башара во власть, ему потребовалось установить хорошие отношения с суннитскими группировками в стране, а также заручиться поддержкой средних слоев городского населения, прежде всего из числа представителей торговой буржуазии, которые считали О. ар-Рифаи своим шейхом. И в середине 1990-х годов Х. Асад разрешил О. ар-Рифаи вернуться в Сирию.

О. ар-Рифаи вернулся в Сирию, когда группа потеряла большинство своих позиций в общественных институтах и мечетях. Однако ее духовное наследие помогло ей в течение нескольких лет восстановить свою миссионерскую, проповедническую, образовательную и благотворительную деятельность и даже усилить свое влияние в Сирии. Она смогла создать сеть новых общественных и благотворительных обществ и организовать общесирийские мероприятия. При этом в деятельности «Аз-Зайд» не прослеживалось какого-либо политического контекста.⁸³

⁸¹ Arno Lofan. An Islamic Movement under the Shadow of a Military System: Damascus' Zaid Movement as a Model. In Muslim Brotherhood. Указ. соч., с. 264–271.

⁸² Abdurrahman al-Haj. Указ. соч., с. 15.

⁸³ Abdurrahman al-Haj. Указ. соч., с. 6–15.

В 2002 году Башар Асад нанес неожиданный визит в дом к шейху Осаме ар-Рифаи. Ряд улемов усмотрел в этом стремление сирийского президента заручиться поддержкой суннитских шейхов через дружбу с О. ар-Рифаи. Этот визит придал уверенность и силы группе, которая с удвоенной активностью стала заниматься проповеднической и научной деятельностью в Сирии. Члены группы даже стали обсуждать ряд политических вопросов, при этом, правда, всячески стараясь избежать вовлечения в политическую деятельность. На практике эти обсуждения ограничивались теми установками, которые сам шейх ввел на основании представлений о том, что может противоречить исламским ценностям.⁸⁴

Вплоть до начала революционных событий джамаат «Аз-Заид» следовал в русле стратегической линии политики режима. В то же время группа никогда открыто не хвалила и не поддерживала режим, как это делали другие организации. Одновременно она периодически посылала властям позитивные сигналы, что давало ей возможность не только продолжать свою деятельность, но и расширить ее за пределы Дамаска в провинциях.⁸⁵

С началом революции стратегия «Аз-Заид» претерпела определенные изменения. Шейхи не критиковали народные протесты и не призывали людей расходиться по домам. Более того, в своих проповедях они подвергали резкой критике действия режима, особенно его силовые акции по подавлению мирных шествий. Они также поддерживали требования реформ и призывали к переменам (сверху) в официальной политике властей. В августе 2011 года полицейские ворвались в мечеть, где проповедовал Осам ар-Рифаи, и атаковали его и собравшихся. В результате шейх получил поддержку мечетей Дамаска, а его популярность среди народных масс протестующих только выросла.⁸⁶ Однако его мечеть была закрыта, а сам он был вынужден уехать из Сирии.

Позднее Осам ар-Рифаи, его брат Сарьях, а также другие шейхи выступили открыто в поддержку революции и оказывали ей помощь. Сайт группы Sada Zaid большинство своих публикаций посвящал поддержке революции. В самой Сирии

⁸⁴ Arno Lofanю Указ. соч., с. 278–279.

⁸⁵ Abdurrahman al-Haj. Указ. соч., с. 37–39.

⁸⁶ <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=682129&issueno=12254>

многие члены этой группы и ее сторонники вступили в вооруженные, в том числе, джихадистские отряды для борьбы с режимом. Некоторые из них были убиты, другие арестованы. Сегодня «Аз-Заид» находится в состоянии открытой конфронтации с режимом. Такие шейхи группы, как Осам ар-Рифаи и его брат Сарьях, Мухаммед Наим Аргус, стоят в числе тех религиозных деятелей, которые наиболее активно поддерживают революцию из-за рубежа. Шейх Осам ар-Рифаи принял участие в конференции «Мусульманские улемы», которая состоялась в Каире в июне 2013 года в поддержку сирийской революции.

5.3. Общество «Аль-Кубейсат»

Своими корнями общество «Аль-Кубейсат» уходит в 1960-е годы. Тогда Мунира аль-Кубейси (1933 г.р.) начала активную деятельность по распространению исламского призыва. Она была учительницей биологии в одной из школ. Однако затем стала преподавать религию в одном из университетов.

На деле «Аль-Кубейсат» представляло собой феминистское движение, которое особенно активно действовало в среде средних слоев населения, а в последние годы стало приобретать сторонниц в среде зажиточных горожанок Дамаска и других столичных центров. Это движение работало исключительно с женщинами через хорошо отлаженную сеть домашних связей и религиозных учебных заведений. В своей работе оно делало упор на религиозном, духовном и морально-этическом обучении. Оно не участвовало в политике. Общество очень хорошо воспринималось за рубежом. Движение имело свои отделения в Иордании, Ливане и других странах, где оно смогло создать свои учебные заведения на основе суфийского учения.⁸⁷

Несмотря на то, что движение было ориентировано исключительно на женщин, его дискурс был связан не столько с правами женщин, сколько сфокусирован на религиозных вопросах. Движение широко привлекало своих сторонников и имело прочные позиции в среде обеспеченных слоев населения Сирии. Это достигалось за счет того, что в своей пропаганде «Аль-Кубейсат» делало акцент на религиозности и фикхе, что

⁸⁷ Abdurrahman al-Haj. Указ. соч., с. 16–18.

позволяло зажиточным слоям находить определенный компромисс между духовной жизнью и характером их повседневного бытия.

На протяжении последних десятилетий Мунира аль-Кубейси старалась быть непубличным человеком и всячески избегала средств массовой информации. Она была одинока и полностью отдавала себя вопросам религии и молитве. Характерно, что большинство членов ее общества ни разу ее не видели. Благодаря тому, что движение не участвовало в общественно-политической жизни страны, его отношения с властями носили дружеский характер. Движение пользовалось поддержкой шейхов, близких к режиму, таких как Ахмед Кефтару и Рамадан аль-Бути.⁸⁸

После начала революции общество никак не проявило себя в качестве противника или сторонника революции. Однако многие женщины, которые входили в это движение поддерживали сирийскую революцию. В то же время роль движения в сирийских событиях была крайне мала и незаметна.

5.4 Суфийские вооруженные отряды

Суфийское движение как организованная сила практически не участвовало в вооруженной борьбе. Однако многие ученики шейхов, в том числе те, кто принадлежал к джамаату «Аз-Зайд», особенно молодежь из Дамаска, Халеба (Алеппо) и Хомса, присоединились к вооруженным отрядам исламистской направленности. Наиболее заметными из таких отрядов были батальоны «Ас-Сахаба» во главе с Абу Тайсиром и Абу Исламом, а также «Ахвад ар-Расуль» под руководством Абу Махуса аль-Ага, «Халерб аль-Хабус», «Дир Димашк», батальоны «Фуркан», «Магавир аш-Шам».

Большинство членов этих отрядов были дамаскинцами или выходцами из пригородов Дамаска. За исключением «Магавир аш-Шам», они вместе с «Ливаа аль-Ислам» и «Хамза бин Абульмуталиб» образовали в августе 2012 года объединение «Ансар аль-Ислам». Официальным представителем этой группы стал Абу Махус аль-Ага. Целью «Ансар аль-Ислам» было объединить вооруженные отряды исламской оппозиции под

⁸⁸ Там же, с. 39–43.

знаменем ССА. Однако в результате разногласий в декабре 2012 года из группы вышли «Ливаа аль-Ислам» и «Хамза бин Абульмуталиб». Разногласия возникли после того, как отряд «Ливаа аль-Ислам» присоединился к Фронту освобождения Сирии.⁸⁹

В апреле 2013 года был образован отряд под названием «Ливаа Магавир Шам ар-Расул» под патронажем «Магавир аш-Шам». В его состав вошли 4 батальона, которые объединили несколько отрядов, наиболее значимыми из которых являлись «Байярик аш-Шам», «Ан-Насер Саладин», «Сарая аль-Хасан», «Катиба Димашк», «Катиба Ансар аль Куран», «Катиба аль-Имам аш-Шатбит», «Катиба аль Имам Мухаммад аль-Фатех», «Катиба Усуд аль-Ислам».⁹⁰

Несмотря на свое ограниченное участие в вооруженной борьбе, суфийские движения сыграли большую роль на мирном этапе протестных выступлений, а также в деле оказания помощи и социальной поддержки населению. На самом деле суфии уделяли больше внимания не политическим, а социальным аспектам восстания. Они также много занимались вопросами образования, благотворительности и прозелитизма. Конечно, они имели внутренние различия между собой по вопросам структуры будущей политической системы. Несмотря на свое слабое участие в вооруженной борьбе и внутреннюю разобщенность по ряду ключевых вопросов революции, суфии сохранили сильное присутствие в районах Халеба (Алеппо) и Дамаска.

Сегодня приоритетом для них является так называемый цивилизационный или умеренный ислам, установления которого они рассчитывают добиваться благодаря наличию прочных и обширных связей между различными шейхами, возглавляемыми ими образовательными, благотворительными учреждениями, различными мечетями, с одной стороны, и средними слоями населения, прежде всего торговой буржуазии, с другой.

Указанные выше обстоятельства заставляют предположить, что после окончания кризиса и установления мира в Сирии суфийские общества могут принять активное участие в политической борьбе, чтобы повлиять на идеологический и политический выбор будущей Сирии.

⁸⁹ Arabi Press, 27.12.2012, <http://www.arabi-press.com/?page=article&id=57716>

⁹⁰ <http://www.youtube.com/watch?v=Kr0oNuRdLYs>

Глава 6

«Братья-мусульмане» и сирийский кризис

«Братья-мусульмане» являлись одним из старейших исламских движений Сирии и были наиболее полно представлены в современной политической истории страны. Они привлекали наибольшее внимание Запада, так как многие эксперты считали, что именно «братья» будут играть ведущую роль в постасадовской Сирии. В то же время их вклад в сирийскую революцию был на деле достаточно скромным и ограничен, а их отношения с другими отрядами сирийской вооруженной оппозиции складывались далеко не однозначно.

Сложность в определении реальной силы и влияния этой организации в Сирии объясняется их долгим отсутствием в политической жизни страны после подавления известного восстания в Хаме в 1982 году. В этот период движение находилось в состоянии вооруженной конфронтации с баасистским режимом. В этой связи режим попытался фактически искоренить эту ассоциацию в Сирии, посадив в тюрьмы и физически уничтожив десятки тысяч ее членов и сторонников, а уцелевшие были вынуждены уехать за границу. В 1980 году был принят известный закон № 49, согласно которому только за саму принадлежность к организации предусматривалась смертная казнь. Принятию этого закона послужила атака «Борющегося авангарда» – секретного подразделения «братьев» на военные казармы в Халебе (Алеппо) в 1979 году. После принятия этого закона дамаскское отделение «братьев» фактически самораспустилось и стало заниматься проповеднической и просветительской деятельностью вместо вооруженной борьбы с режимом. Часть членов организации вошла в состав «боевого авангарда», другие выехали в Халеб (Алеппо). Однако благодаря конспирации многие члены организации так и не были «вычислены» сирийскими спецслужбами и при этом продолжали оставаться на территории Сирии.

С момента своего возникновения в Сирии «Братья-мусульмане» страдали из-за ряда несогласованностей по вопросам

управления и регламентации своей деятельности по признаку географического размещения между Халебом (Алеппо) и Хамой, а также из-за неопределенности идеологических установок, колебавшихся между экстремистским и умеренным направлением.

На самом деле накануне революции в Сирии организация страдала от внутренних расколов, разбросанности своих членов по разным странам мира, отсутствия явных и нелегальных групп в Сирии, трудностей с привлечением в организацию молодежи как в Сирии, так и за рубежом и слабого руководства. Это вело к ослаблению позиций организации в сирийском обществе, особенно молодежной среде, эрозии ее организационной структуры. Заявления и встречи «братьев» отражали фактическое признание нестабильного состояния организации. Они понимали «чужеродность» своего движения внутри Сирии, так как большинство молодых людей (особенно тех, кто родился после 1980-х) имели слабое представление об организации, ее деятельности в 1980-е годы.

Действительно, на протяжении последних десятилетий до начала сирийской революции движение раздирали противоречивые тенденции. Так, в 50-е годы XX века движение вело активную политическую работу, участвовало в выборных органах власти и даже было представлено в правительстве под руководством своего лидера и основателя Мустафы ас-Сибай. Однако баасистская революция 1963 года открыла новую главу в военном и политическом противостоянии «братьев» с режимом. Это в свою очередь способствовало созданию глубокой пропасти между «братьями» и широкими консервативными слоями сирийского общества. Исправительное движение 1970 года и приход к власти в Сирии Хафеза Асада стали поворотным моментом в отношениях «братьев» с режимом. Прежний конфликт между «братьями» и властями получил к тому же религиозный окрас.⁹¹

В течение десятилетий и вплоть до конца 90-х годов XX века в движении не прекращалась острая борьба между представителями молодого и старшего поколений членов организации. Одновременно в этот период в движении было соз-

⁹¹ Salah Nayouf. Political Islam in Syria: a Knowledge Map // The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect and the Violence of the Movement. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001, p. 26–47.

дано секретное подразделение «Борющийся авангард», которое провело ряд вооруженных операций в конце 1970-х – начале 1980-х годов против режима, что усилило конфронтацию братьев с властью. При этом ряд членов «Братьев-мусульман» отрицал свою принадлежность к «Борющемуся авангарду» и не желал иметь с ним ничего общего. После массовых убийств членов «Братьев-мусульман» в Тадмурской тюрьме и серии вооруженных стычек с режимом организация приняла так называемую «Хартию вооруженной исламской революции». Несмотря на то, что в хартии содержались указания на создание в Сирии плюралистического и светского государства, провозглашались принципы сменяемости власти и уважения прав меньшинств, документ в качестве основной стратегии борьбы с режимом принял метод вооруженной борьбы. В 1980 году на территории соседнего Ирака движение создало боевые тренировочные лагеря, куда стекались члены организации.⁹²

Несмотря на это, в руководстве «братьев» сохранялись разногласия по вопросу о том, стоило ли объединить усилия с другими политическими силами и светскими движениями в Сирии. Однако сложное положение в руководстве «братьев» и попытки устранить ряд их руководителей за рубежом привели к тому, что организация стала рассматривать вооруженный путь борьбы с режимом в качестве единственной альтернативы.

Однако к концу 1990-х годов в политических заявлениях и некоторых акциях организации стали отмечаться признаки, свидетельствовавшие об определенных трансформациях внутри нее. Под руководством Али Садреддина аль-Баянуни (2006–2011) в движении укрепились реформистские тенденции, и появилась некоторая открытость в отношении других политических сил в Сирии. Приход к власти в САР Башара Асада и его политика внутри страны, получившая название «Дамасской весны», способствовали лишь укреплению подобных реформистских настроений и открытости, что дало возможность ряду оппозиционных движений выйти на поверхность в Сирии и несколько повысило степень их активности и мобильности.⁹³

⁹² Salah Nayouf. Указ. соч., с. 8–41.

⁹³ Najib Ghabbian. The Syrian Islamic Movement and the Prospects for Democratic Transformation // The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the Movement. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001, p. 71–86.

Подобная новая ориентация отразилась в виде пакета документов, которые были приняты организацией, а также в разработке ряда проектов, в реализации которых она принимала участие совместно с другими оппозиционными силами, как это было видно на примере «Дамаскской декларации». Декларация ориентировала на мирные политические методы реформирования. В ней содержались призывы к продолжению демократических процессов, партийному плюрализму, отмене закона о ЧП, прекращению монополии ПАСВ и т.п. Одновременно «братья» стали принимать участие в работе «Фронта спасения», который был основан сбежавшим в 2005 году на Запад бывшим вице-президентом САР А.Х. Хаддамом.⁹⁴

Наиболее важный документ был принят «братьями» в 2004 году. В нем нашли отражение взгляды организации на будущую Сирию. В документе отразился постепенный сдвиг идеологии «братьев» в сторону демократии, плюрализма, сменяемости власти, свобод, защиты прав меньшинств, уважения прав человека и гражданских свобод, приверженности организации религиозным принципам.⁹⁵ Для многих исследователей ссылка на приверженность религиозным принципам в этом документе трактовалась как обязательный элемент, как это было в программах ряда других религиозных организаций Леванта.⁹⁶

Наряду с другими группами и организациями, действовавшими в Сирии, которых так или иначе увязывали с «братьями», существовала так называемая Ассоциация сирийских улемов, которую возглавлял один из уважаемых в стране и за ее пределами религиозных деятелей Мухаммед Али ас-Сабуни. Ассоциация придерживалась позиций умеренного ислама и занималась просветительской деятельностью, издавая фетвы. Она проводила различного рода публичные мероприятия в поддержку революции. Другой важной организацией была литературная ассоциация «Аш-Шам» (куда входили только авторы-мужчины), которую возглавлял Абдулла ат-Тантави. Она имела сайт в интернете, где публиковались материалы в поддержку революции.⁹⁷

⁹⁴ Najib Ghabdian. Указ. соч., с. 82–86.

⁹⁵ Подробнее о взаимоотношениях режима и «Братьев-мусульман» в период правления Б. Асада см.: Ахмедов В. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М., 2010, с. 49–57; 74–91.

⁹⁶ <http://tinyurl.com/o4a8zxo>

⁹⁷ www.odabasham.net

Одной из значимых общественных организаций Сирии, деятельность которой всегда являлась предметом спекуляций относительно ее связей с «братьями», была организация «Аль-Ватан». Эта некоммерческая общественная гражданская организация была зарегистрирована в Великобритании. Она также заявляла о своих планах открыть различные филиалы в ряде стран Европы, Турции и США.⁹⁸ «Аль-Ватан» отрицала, что занимается политической деятельностью. В ее состав входило несколько различных организаций и комиссий, таких, например, как «Ар-Райан» (которая занималась благотворительной и гуманитарной работой в Сирии), «Джабаль аль-Хуррайя» (организация курсов обучения основам прав человека и гражданских свобод), Сирийский центр свобод «Хурийят» (гуманитарная деятельность), Сирийский центр образования, Сирийский центр бизнеса, Сирийский национальный информационный центр, Центр благотворительности «аль-Хэйр». «Аль-Ватан» являлась одной из важных организаций, специализировавшихся на проведении благотворительной и волонтерской деятельности для помощи Сирии.⁹⁹

В 2013 г. «Аль-Ватан» возглавлял Муазз ас-Сибай. Анас ас-Сибай руководил деятельностью благотворительных обществ «Аль-Хэйр». Ахмед Мухандис возглавлял Генеральную ассамблею «Аль-Ватан». Туда входило большое число сирийских эмигрантов и политических активистов. «Аль-Ватан» служила связующим звеном между эмигрантами и организациями, занимавшимися оказанием гуманитарной помощи в Сирии. В то же время ряд наблюдателей рассматривал «Аль-Ватан» как центр по вербовке в «братство».¹⁰⁰

Та заметная роль, которую «братья» играли в политической сфере за рубежом, была несравнима с той скромной и ограниченной ролью, которую они играли внутри Сирии и в вооруженном восстании, в частности. Эксперты не усматривали в этом ничего удивительного, так как «братья» после событий 1980 г. очень долго отсутствовали на внутривосточной арене Сирии. Более того, руководители, которые стояли

⁹⁸ Aron Lund. *Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria* // *The Muslim Brotherhood in a New Syria*
http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf. May, 2013.

⁹⁹ <http://www.watansyria.org/about>

¹⁰⁰ <http://www.watansyria.org/institutions>

во главе движения, отказывались признавать те серьезные перемены, которые произошли в стране и обществе за последние десятилетия. В-третьих, на передний план борьбы в Сирии, как это указывалось выше, вышли представители движений из провинций и периферийных районов за счет городских центров.

При этом необходимо иметь в виду, что исторически в Сирии города всегда служили оплотом крупных народных движений. По оценке и признанию бывшего члена исполкома «братства» и его активного члена Мухаммеда ас-Сейида, вооруженное восстание добилось серьезных успехов именно в сельской местности, где оно началось сначала в Дераа, распространившись позднее на Хомс, Джиср аш-Шугур и Идлиб. Данное обстоятельство в какой-то мере затрудняло определение истинной роли «братьев» в революционной борьбе.¹⁰¹

6.1. Роль «Братьев-мусульман» в вооруженной борьбе

В начале сирийских событий «братья» колебались, прежде чем заявить о своем участии в революции. Однако когда они увидели, что ситуация скатывается в сторону конфронтации между обществом и властью, а протестное движение не стихает, несмотря на его жестокое подавление властью, движение стало постепенно отходить от мирных средств борьбы с режимом, и его вовлеченность в сирийский кризис стала более видимой. Указанные выше разногласия между различными отрядами «братьев» продолжались вплоть до начала революционных событий в Сирии, когда во главе «Братьев-мусульман» вместо Али Садрэддина аль-Баянуни встал Мухаммед Рияд аш-Шакфа. В 2011 году ряд представителей зарубежного филиала «братьев» получил места в исполнительном комитете СНС, куда позднее, в 2012 году, вошли еще несколько членов как ответ на вызовы сирийской революции.¹⁰²

¹⁰¹ Mohammad Abu Rumman *Islamists, Religion and the Revolution in Syria* // by Friedrich-Ebert-Stiftung, FES Jordan & Iraq, 2013, с. 23–24.

¹⁰² Fadi Shamiyah. *The Muslim Brotherhood, the Fighting Vanguard and the Relationship with the Regime // The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the Movement.* – Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001, p. 201–204.

Протестная деятельность «братьев», которая в начальный период восстания носила в целом мирный характер, возникла в среде его молодежных отрядов, действовавших в зарубежной сирийской диаспоре. Наиболее ярко она проявлялась в информационном поле. В начале конфликта несколько молодых членов организации создали специальный сайт, посвященный революции. Позднее их страничка в интернете стала важным форумом, где обсуждались последние новости из Сирии.¹⁰³ Одной из таких молодежных групп, которая сыграла важную роль в освещении сирийского восстания, стала группа, куда входили Обадиа ан-Нахасс (директор Orient Center in London) и Ахмад Рамадан, который вышел из организации после 2010 года, когда «братья» взяли контроль над отделением в городе Хама. В 2011 году они создали так называемый форум «Национального действия», на страницах которого обсуждались идеи реформистского и демократического содержания. Они приняли активное участие в создании СНС в октябре 2011 года. Ахмад Рамадан и Мухаммед Тайфур были избраны членами исполкома СНС.¹⁰⁴ Ряд зарубежных и сирийских оппозиционных организаций обвинял «братьев» в попытках контролировать СНК, что «братья» неизменно отрицали. Действительно, на тот момент «братья» имели одно место в исполкоме и 6–7 мест в Генеральной Ассамблее СНС. Позднее в Дохе в 2012 году была создана Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил (НКОРС). Это была инициатива ряда «друзей Сирии», которые стремились таким образом создать более широкий формат для организации, объединявшей несколько разных трендов в сирийском оппозиционном движении, что снижало представительство «братьев» в структурах сирийской оппозиции, которое со временем стало весьма заметным в СНС. Несмотря на то, что «братья» стремились всячески снизить свое участие в рядах сирийской зарубежной оппозиции, их постоянно обвиняли в стремлении доминировать в этих группах. «Братьев» также обвиняли в поддержке ряда оппозиционных деятелей, имевших репутацию светских лидеров, таких как Бурхан Гальюн, Джордж Сабра и Моаз аль-Хатыб.

¹⁰³ Подробнее об этом см; The Muslim Brotherhood in a New Syria. – http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf, May, 2013.

¹⁰⁴ Там же.

В июле 2012 года на пост председателя НКОРС был избран Ахмед Джабра, который считался человеком, близким к Саудовской Аравии. Его избрание отражало меняющийся баланс сил конкурирующих друг с другом групп на региональном и межарабском уровне в их влиянии на НКОРС. Это также означало несомненную победу Эр-Рияда, который в принципе был против «братьев». Данное решение Саудовской Аравии шло вразрез с устремлениями Катара и Турции, которые были крупнейшими региональными спонсорами «братьев» в оппозиционном движении в политическом, финансовом и пропагандистском отношении.¹⁰⁵

С самого начала сирийской революции «Братья-мусульмане» в своей работе и заявлениях делали акцент на том, что не имеют в Сирии собственных вооруженных ячеек. Представители организации всячески подчеркивали, что ее члены занимаются исключительно оказанием финансовой и логистической поддержки вооруженным отрядам оппозиции, что она больше занята реконструкцией и реорганизацией своего движения и стремится сосредоточиться на оказании благотворительной и гуманитарной помощи.

Однако в отношении участия «братьев» в вооруженной борьбе и их связей с другими вооруженными отрядами всегда оставались некоторые сомнения. Подобные сомнения усилились, когда один из видных представителей ассоциации М. Тайфур рассказал о ее связях с Комитетами защиты революции. Эта военизированная организация было создана в конце 2012 года. В то же время лидер «братьев» Мухаммед Рияд аш-Шакфа подчеркнул, что организация не являлась официальным спонсором Комитетов и они не играют ведущей роли в вооруженном сирийском сопротивлении.

Для того чтобы компенсировать свое слабое участие в вооруженном сирийском восстании и отсутствие собственных крупных вооруженных отрядов, «братья» стремились действовать под эгидой таких известных вооруженных отрядов, как «Бригады аль-Фарук» и другие исламистские группы, объединенные под знаменем Фронта освобождения Сирии, которые в идеологическом плане представляли наиболее умеренное крыло, близкое к ориентации «братьев». В то же время Фронт объединял различные отряды, в числе кото-

¹⁰⁵ <http://www.aljazeera.net/news/pages/40811f5b-affa-4a3c-9d0d-5cea8460a5a1>

рых были близкие по своей ориентации к салафитам типа Исламского фронта, «Джабхат ан-Нусры» и «Исламского государства».

Несмотря на ограниченное участие (финансовое и логистическое) в вооруженном восстании, «братья» постоянно подвергались нападкам со стороны других фронтов и движений, которые обвиняли их в том, что путем оказания финансовой и логистической поддержки отрядам вооруженного сопротивления «братья» стремятся взять их под свой контроль или навязать им свою идеологию, а также заручиться их лояльностью.¹⁰⁶

С учетом возникшего в Сирии идеологического вакуума было действительно сложно определить истинную степень влияния «братьев» на ход вооруженного восстания, тем более их количественное участие в нем. Последнее (численный состав сражавшихся членов организации) являлся постоянным предметом спора разных экспертов. Так, ряд из них полагал, что самым близким к «братьям» отрядом и их опорным пунктом служили Комитеты защиты революции. Комитеты действительно провели большую конференцию в Стамбуле с участием многих видных членов организации, среди которых одним из главных был А. С. аль-Баянуни. В их состав входили отряды, которые носили название «щиты». Они имели свои представительства в различных районах Сирии. На их эмблеме были изображены мечи, голубь и ветви. Этот символ напоминал эмблему «Братьев-мусульман», на которой изображены два меча, разделенные Кораном. Комитеты («Щиты») провозгласили своей целью координацию действий различных отрядов и создание ячеек профессиональной сирийской армии будущего. Они также выступали за создание демократического светского государства, основанного на принципах гражданственности. Эти установки действительно отличали их от других исламистских организаций, которые поддерживали создание исламского государства в Сирии.¹⁰⁷

По оценке сирийского исследователя члена СНС А. аль-Хаджа, «братья» в октябре 2012 года создали «Ассамблею

¹⁰⁶ Interview with Mohammed al-Sayid. Interview with Ahmed Aba Zaid, an observer of the Syrian revolution from Amman, Amman, 29 May 2013.

¹⁰⁷ <http://www.youtube.com/watch?v=ecldcfDTPOE>

батальонов мира», куда входила «Армия Абдулфаттаха Абу Гуды», которая сражалась в старых кварталах Халеба (Алеппо). Они также поддерживали и другие вооруженные отряды типа «Щит аш-Шахаба», действовавшие в Идлибе, Халебе (Алеппо) и Ракке. Частично «братья» поддерживали и другие отряды, в частности «Батальон веры», действовавший в других районах Сирии, в том числе, в пригородах Хамы. Другие эксперты считали, что ряд членов «братства» был причастен к созданию отряда «Муаатаз биллахи» в Дераа в начале 2013 года, часть членов которого до этого находилась за границей.¹⁰⁸

К концу 2012 года лидеры «Братьев-мусульман» стали серьезно задумываться над тем, чтобы восстановить работу организации на территории Сирии, а также над тем, чтобы возобновить работу призыва («ад-даава») к благотворительности и добровольческой деятельности, но уже на новой основе.

Как уже указывалось, лидеры «братства», его руководящие члены внутри Сирии были разделены на несколько групп и на несколько уровней. Часть членов представляли те, кто в 1992 году был выпущен режимом из тюрем под письменные обязательства отказа от занятий политической деятельностью в Сирии. Организация стремилась реорганизовать эту группу лиц за счет обновления миссии «Братьев-мусульман» и их деятельности. Вторую группу представляли старые члены ассоциации, которые так и не были раскрыты сирийскими спецслужбами, действовали в глубоком подполье и поддерживали между собой тайные контакты. Третья группа состояла в основном из тех, кто жил за границей. В то же время не все из вышперечисленных членов «братства» имели равные обязательства перед организацией и одинаковую готовность работать с ней. На деле многие из них ушли в частную жизнь и занимались своими семьями и делами.

С началом революционного движения, его развитием, перерастанием в вооруженную борьбу, переходом части территории под контроль повстанцев «братья» приняли новую стратегию возврата в Сирию с тем, чтобы возродить движение и приспособить его к новым условиям. Так, на уровне руководства было создано два отделения: одно

¹⁰⁸ Abdurrahman al-Haj. *Op. cit.*, p. 9–12; <http://syrgccp.net/>

в Хаме, другое в Халебе (Алеппо), а также был создан Исполком. В его состав вошли 22 человека (из них две женщины), большинству из которых было от 40 до 60 лет.¹⁰⁹

В начале 2013 года «братья» решили перестроить организацию изнутри. При этом опора была сделана на старых проверенных членов, которые находились в подполье, и в качестве метода были избраны секретные операции. Их попросили возобновить членство в организации и начать деятельность с распространения призыва. Начинать вести работу было решено среди тех, у кого родственники были убиты или пропали без вести в тюрьмах. На зарубежном уровне было решено активизировать работу среди членов организации и их семей и родственников. В результате многих удалось вернуть в члены организации, и ее численный состав заметно вырос. В то же время «братья» внимательно относились к подбору новых кадров с учетом их взглядов, политической деятельности, отношения к «братству», его внутреннему уставу и правилам работы. В августе 2013 года первое официальное отделение «Братьев-мусульман» было открыто в Халебе (Алеппо) в присутствии его руководящих членов.¹¹⁰

В период конца 2013- начала 2014 годов движение работало над созданием своей новой политической партии. Новое имя партии «Ваад» – акроним, который означает «Родина, справедливость, демократия». В августе 2013 года в Стамбуле прошел первый организационный митинг этой партии. Некоторые считали, что «Ваад» должна была быть более либеральной, чем египетская Партия справедливости и свободы. В состав руководства партии вошли некоторые представители левого движения и несколько христиан. Одним из наиболее известных основателей партии был Мухаммед Хикмат Валид, который считался одним из известных членов организации.¹¹¹ Возможно, одним из общих представлений о роли «братьев» в Сирии являлся их некий собирательный образ, который состоял из их исторического прошлого, современной деятельности в Сирии, представлений, сформированных о них в зарубежных СМИ, относительно их связей с Катаром и Турцией, их слабых позиций в оппозици-

¹⁰⁹ <http://carnegie-mec.org/publications/?fa=50428>

¹¹⁰ <http://tinyurl.com/q96wz2r>

¹¹¹ <http://elaph.com/Web/news/2013/6/820450.html>

онном движении внутри сирийского общества, их ограниченного участия в вооруженном восстании и весьма непростых отношений с враждующими фракциями и отрядами сирийской политической оппозиции. Главная задача, которая сегодня стоит перед «братьями», – это восстановление единства между ее внутренним и внешним филиалами. Именно этим сегодня активно занимается организация как внутри, так и за рубежом Сирии путем призыва и другими методами.

Действительно, движение хронически испытывает угрозу внутреннего раскола, с одной стороны, и раскола между внутренним и внешним филиалами, с другой. Это ярко проявилось на примере взаимоотношений двух его филиалов в Хаме и Халебе (Алеппо). Так, руководство в Халебе (Алеппо) делало все возможное, чтобы восстановить свою деятельность в городе и расширить присутствие в Исполкоме за счет привлечения туда женщин и молодежи. Однако именно на этом пути «братья» сталкивались с наибольшими проблемами. Наряду с этим существовала скрытая борьба за власть и несогласие внутри самого руководства филиалов и те трудности, которые его руководители испытывали с привлечением в организацию молодежи, которая имела за спиной боевой опыт и была хорошо представлена в политической и информационной сфере. Многие активные молодые члены предпочитали заниматься индивидуальной работой. Поэтому одной из сложнейших проблем движения являлось не только привлечение молодежи, но и ее воспитание.

Несмотря на указанные проблемы, ряд аспектов в работе организации внутри Сирии по-прежнему остается весьма сильным. Это прежде всего касается ее позиций в зарубежных СМИ и способности привлекать за рубежом на свою сторону новых членов. Доказательства этому были получены на примере Туниса, Египта и Ливии. «Братьям-мусульманам» удалось быстро завоевать позиции в обществе и укрепиться на низовом уровне. Они также смогли успешно перестроиться изнутри. Ряд членов организации, несмотря на то, что они действовали на личной основе, смогли добиться на указанных направлениях определенного успеха и продолжают считать себя членами организации. Речь в первую очередь идет о таких видных деятелях организации, как М.Р. аш-Шакфа, Зухейр Салим, Мухаммед Тайфур, Али Садреддин аль-Баянуни, Иссам аль-Аттар, Обадия ан-Нахас, Ахмед Рамадан.

Идеологическая платформа «братьев» достаточно насыщена. Они стремятся к свержению режима Асада и перестройке институтов государства с одновременным усилением их участия в политической жизни и управленческой деятельности в государстве. «Братья-мусульмане» также хотят укрепить свои позиции в сирийском обществе. Поддерживают вооруженные операции и хотят создать собственные вооруженные подразделения. Стремятся усилить свое политическое влияние как внутри страны, так и за рубежом.

«Братья» поддерживали тесные контакты с Турцией и Катаром. Они пользовались поддержкой со стороны этих двух государств в информационном и логистическом плане. К тому же они получали помощь и от других организаций «братьев», действующих по всему миру. Многие отряды, поддерживаемые или созданные ими участвовали в вооруженных операциях ССА, а также координировали свою деятельность с другими отрядами в вопросах безопасности и проведения военных операций.¹¹²

В основе их идеологических и политических установок лежало стремление вернуться в политическую жизнь страны. С момента своего создания в Сирии в 1946 году представители «братьев» активно участвовали в политике, заседали в парламенте и образовывали политические коалиции с другими политическими движениями, в том числе светского содержания. В связи с этим за последние несколько лет движение систематически работало над тем, чтобы усилить демократические аспекты в своей идеологической платформе, что отражалось в их публичных заявлениях и литературе. Одновременно организация также посылала ободряющие сигналы меньшинствам Сирии, обещая им свою поддержку и покровительство, уважение их прав. «Братья» открыто говорили об установлении в Сирии демократического режима исламской ориентации, делая упор на мирном характере смены власти, политическом, религиозном и культурном плюрализме. Однако у части общества, особенно среди конфессиональных меньшинств, сохраняются сомнения в отношении искренности «братьев» в случае их прихода к власти в Сирии.

¹¹² Ali al-Sharif. A Reading of the Political Project of Syria's Muslim Brotherhood: Partial Transformation and Structural Impediments" in Muslim Brotherhood in Syria. Указ. соч., с. 245–261.

Заключение

События «арабской весны» стали серьезным вызовом для различных отрядов политического ислама в арабских странах Ближнего Востока. Этому способствовали два важных фактора.

1. Арабские восстания ознаменовали в практическом плане возвращение политики в широкие массы населения этих стран и их активное участие в политическом процессе.

2. Они обозначили новый этап национально-освободительного движения арабских стран, начавшегося еще во второй половине XX столетия, лейтмотивом которого стала попытка превращения региона из объекта в субъект международных отношений.

Некоторыми учеными, политологами, экспертами, как на Западе, так и в России происходившие на Ближнем Востоке и в Северной Африке события были восприняты как усиление позиций политического ислама в регионе и стремление его различных отрядов к захвату власти в этих странах, их быстрой исламизации и утрате «светского» характера правления в них. В этой связи в ряде трудов и статей, опубликованных за последние три-четыре года, часто встречались такие понятия, как «арабская осень или зима». Эти понятия нередко связывались с именем «Братьев-мусульман», салафитами, представителями других «фундаменталистских» движений ислама. Подобные трактовки и характеристики были отчасти верны и имели под собой определенные практические основания. В то же время, на наш взгляд, подобные суждения и оценки нельзя считать однозначно верными, тем более окончательными.

Во-первых, спровоцированные «арабской весной» социальные и политические процессы в арабских странах еще далеко не завершены, а их результат для движений политического ислама, их будущего места и роли в постреволюционных арабских странах окончательно не определен.

Во-вторых, политический ислам как в идеологическом, так и в практическом плане не является единым целым, тем более устойчивым явлением, а определенным политическим фено-

меном в процессе развития. С этой точки зрения, было бы неверным, на наш взгляд, ассоциировать его с «бытовым» исламом, верой мусульман, в основе которой лежат известные догматы и религиозные практики.

В-третьих, различные отряды политического ислама, чья идеология базируется на сочетании богатого культурно-исторического, религиозного наследия арабов и современных идеологических, политических воззрений, выступают не только за возрождение ислама с целью превращения арабо-исламского мира в равноправного участника мировых процессов. Прежде всего они борются друг с другом за утверждение своей трактовки определения смысла ислама в современных условиях.

В этой связи лидеры ряда этих движений еще до революционных событий в регионе стали пересматривать традиционные представления об исламской умме как общине единоверцев независимо от их национальной принадлежности. При этом, оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступали с национально-патриотических общеарабских позиций и защищали идеи социальной справедливости и равенства, которые формируются на секулярных, а не только религиозных основах.

Это заставляло их модифицировать оригинальные воззрения исламских идеологов, в основе которых лежала идея создания исламского халифата. В программных заявлениях большинства подобных движений и организаций не шла речь о создании единого исламского государства в обозримой перспективе. Они призывали к созданию «исламского демократического государства» в существующих национальных границах. Выступали за отказ от насилия как средства политической борьбы, осуждали терроризм, поддерживали принцип проведения свободных парламентских выборов, пересматривали идею божественности власти, поддерживая демократические процедуры смены правящих режимов, пересматривали роль женщины в обществе, а в ряде случаев выступали в роли активных борцов за права человека.

В этой связи по многим параметрам эти движения смыкались с государственным политическим исламом, который ассоциировался с действующим режимом. То есть тем политическим исламом, который был приспособлен государственной властью в каждой арабской стране в подходящей для конкрет-

ного режима форме в целях идеологического обеспечения интересов внутренней и внешней политики.

Именно этот отряд политического ислама, а вместе с ним и наиболее «умеренные» движения политического ислама, готовые сотрудничать с властью в обмен на их поэтапную политическую легализацию, стали первым объектом воздействия «арабской весны». В тех странах, где произошла революция, позиции официального государственного ислама оказались если не окончательно подорваны, то существенно ослабли с точки зрения воздействия на основные внутривнутриполитические процессы. С другой стороны, «умеренные» отряды политического ислама оказались плохо приспособленными противостоять напору радикально настроенных революционных масс, тем более стать органичной частью вооруженных отрядов исламской оппозиции.

Возникший политический вакуум в ряде арабских стран, особенно в тех, где революции сопровождались острыми вооруженными конфликтами и гражданскими войнами (Ливия, Йемен, Сирия), стал заполняться некоторыми отрядами политического ислама, в том числе теми, которые принято именовать «такфиристскими» или «джихадистскими», которые продолжают пользоваться социальной базой поддержки, пока продолжают военные действия.

Значительно больший потенциал в постреволюционный период имеют, на наш взгляд, исламские движения, чью социальную базу составляют средние слои населения, занятые бизнесом, торговлей, финансами, другими видами экономической и коммерческой деятельности как на уровне национальной, так и региональных рынков Ближнего Востока. К числу таких исламских движений относится так называемый «бизнес-ислам» или «ислам базара». Представители этого отряда политического ислама, как правило, характеризуются умеренными взглядами на внешней арене (как неперемutable условие успешного бизнеса с зарубежными партнерами) и определенной долей консерватизма, выступающего как гарантия внутрисемейной и корпоративной устойчивости, лояльности и преданности делу. К тому же приходя во власть, они, как правило, делают выбор в пользу не идеологии, а реальной политики и практической деятельности.

Именно в таком исламе сегодня остро нуждаются арабские государства, терпящие колоссальные людские и материальные потери в результате прошедших и продолжающихся революций.

Summary

The book by Vladimir Ahmedov senior researcher in Moscow based Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science "The role of Islamic factor in social-political developments of the Arab countries in the Middle East and its evolution in context of the Syrian uprising" is devoted to complex research of the main socio-political processes in the Arab countries of the Middle East in the last decade of the XX century and the beginning of the XXI century. The author examines in detail the historical causes and socio-political conditions have engulfed the Middle East region as a result of Arab unrest. From historical background he analyzes the features of the socio-political and ideological developments of the Arab countries caused by the so-called "Arab Spring." V. Ahmedov pays main attention to studies directions and tendencies of Arab society's evolution n at a time when many Arab countries have tried to make the transition from an authoritarian model of governance to a more liberal. An author investigates in detailed the place of various groups of Islamists in the condition of Arab uprising, their role in society, politics, ideology and armed struggle in the Arab countries, especially in Syria. He gives an estimation of the main characteristics of Islamist movements in Syria, considering the nature of their relationship with the political regime, the army and other troops of the Syrian armed resistance. V. Ahmedov makes an attempt to forecast the possible ways of their evolution in the political space of Syria and the Middle East as a whole. Particular attention is paid to the nature and character of the future political regimes of the Arab countries of the Middle East, their prospects for stability in the face of Islamist movements, their ideological principles and political views. In view of the increased activity in recent years, various kinds of Islamic organizations and their rivalry with the secular character of the national movements for political leadership in the region, the author dwells on enough research on the role of ethno-national and religious factors in the political development of the region.

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривосточное развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".
260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**
250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**
251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Podgornova**
252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**
253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)
254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**
255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**
256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**
258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**
259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**
260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**
261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**
262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**
263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Acad-
emy of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist
armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political
process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North
Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and the policy of Algeria" by
N.Podgornova
271. "Mull about struggle against terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and
Georgia)" by **V.Mesamed**.

Научное издание

В.М. Ахмедов

**РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ АРАБСКИХ СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ
В УСЛОВИЯХ СИРИЙСКОГО ВОССТАНИЯ
(90-е гг. XX – начало XXI вв.)**

Подписано в печать 22.07.2015 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 8 уч. изд. л.

Тираж 500 экз. Тип. Зак. № 376

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12